

Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки в Трое

(Междисциплинарный аспект)¹

Вестник древней истории. 1994. № 4. [19] — конец страницы.

I

Говоря о фракийских элементах, доминирующих в троянской топонимике,¹ или о легендах, отразивших пребывание на этой территории лувийцев,² мы, не колеблясь, используем свидетельства Гомера в качестве законных, часто первостепенных по значению источников. Однако, сталкиваясь с огромным числом греческих имен в изображаемой поэтом Трое Приама, затруднительно видеть в них материал для серьезных этноисторических выводов. В чем же различие? Оно связано с той исключительной свободой, с которой Гомер, выводя на сцену персонажей из древней Малой Азии или с балканского севера, импровизирует также и для них, по знакомым моделям и в согласии с требованием метра, греческие имена, слегка разбавляя последние туземными формами. Так, в «Троянском каталоге» появляются меотиец Местл (Μέσθλης) и кариец Наст (Νάστας) с архаичными восточноэгейскими именами, точно отвечающими фрак. Μέστυλος, Νάστας и далее этр. Mestlés, Nastas, причем этрусские формы явно происходят из ономастикона Западной Анатолии.³ А в соседних строках того же «Каталога» находим пафлагонца Пилаймена (Πυλαίμηνης), т.е., по-гречески «Мощного в воротах», мисийца Эунома (Ευνομος) «Благозаконного», карийца Амфимаха (Αμφίμαχος) «Атакующего», кикона Эвфема (Ευφημος) «Доброславного», пеона Пирехма (Πυραίχημος) «Огненно-копейного». Когда в Трои является издали отряд гализонов, которых современные ученые считают обитавшим на юго-востоке Причерноморья раннекартвельским народом,⁴ их вожди также получают «говорящие» греческие имена: Годий (Οδῖος) «Путник» и Эпистроф (Ἐπίστροφος) «Возвращающийся назад» (II. II. 856). Этот гомеровский узус, широчайшее «раздаривание» греческих имен заведомым негрекам — для историка культуры своеобразное свидетельство, говорящее об отношении греков — гомеровских современников — к своей ономастике как к этнически немаркированной, нейтральной, не предназначенной служить средством дифференциации «своих» от «чужих». [19]

Причина тому заключается в особенностях этнокультурной ситуации, возникшей в заселенных греками областях Анатолии. Хотя термин «варвар» в качестве наименования иноплеменника, человека, говорящего на чужом языке, мог появиться уже в микенское время (ср. ΡΥ Сп 643, KN Vc 206, Xd 207, с именем *pa-pa-ro*, возможно, равным βάρβαρος), но в VIII—VI вв. до н.э. отношение греков и негреков еще не предвещало той конфронтации «эллинского» и «варварского» миров, которая в греческом сознании оформляется начиная с эпохи Персидских войн. В период архаики в Ионии, Карию, Эолиде совсем не редкостью были носители греческих имен, претендовавшие на древние малоазийские корни (каковы, например, уже знакомые нам ионийские Главкиды), и, наоборот, фигуры вроде карийца Паниасия, дяди Геродота по матери, предававшегося поэтическому творчеству на греческом языке. Среди меценатов Гомера были фракийские по происхождению «потомки Энея», а по преданию ему доводилось петь и при дворе сыновей фригийского Мидаса. Сама жизнь предоставляла великому поэту сплошную амальгаму малоазийских и греко-балканских реалий, которая не могла не сказаться на трактовке этнических отношений в художественном мире «Илиады».

Слух грека-анатолийца был чуток к многообразию звучащих вокруг языков, наречий, диалектов. Так, богиня Ирида, приняв облик Полиа, сына Приама, обращается к Гектору, выводящему из города войско: «Гектор, я тебе вот что особенно посоветую сделать, ибо много союзников в великом городе Приама, а у разных, повсюду разбросанных людей, различный язык. Пускай же каждый даст знак тем, над которыми командует, и предводительствует ими, построив своих сограждан» (II. II. 802-806). Многоязычие жителей Малой Азии и фракийского побережья, с которыми доводилось общаться грекам, подсказывало, что войско, собравшееся на защиту Трои со всего этого ареала, не могло не быть пестрым в лингвистическом отношении, и распоряжения Гектора, отдаваемые им на родном языке, должны были оставаться непонятными для многих его союзников, особенно из рядовых воинов. В гомеровском гимне к Афродите, который считается очень близким по стилю и языку к «Илиаде» и «Одиссее» и не слишком

удаленным по времени создания от этих поэм,⁵¹ Афродита, явившись на Иде Анхизу и выдавая себя за чудом попавшую в Трояду дочь фригийского цари, заявляет (Hymn. Hom., IV. 113-116.): «Я хорошо знаю и ваш, и наш язык. Меня кормилица-троянка вырастила в покоях... поэтому и ваш язык я хорошо знаю...». Как видно, в современную Гомеру эпоху язык Трояды, заселенной по преимуществу фракийскими племенами, достаточно отличался от фригийского, и греки вполне отдавали себе в этом отчет.

Осознаваемое разнообразие языков и культур в это время отнюдь не редуцировалось в их сознании к разнице греческого и негреческого, но тем не менее свое, греческое начало приобретало в этой картине мира особое место. Примечательно, что у Гомера ни разу не встречается в чистом виде термин «варвар» для обозначения человеческого типа, которому был бы противопоставлен «грек». Сама же основа этого термина выступает в одном, очень интересном случае — в составе сложного слова βαρβαρόφωνοι «варвароязыкие», определяющего карийцев, которые «владели Милетом и густолиственной горой Фтироном и потоками Меандра и высокой вершиной Микалы» (Il. II. 867-869). Страбон, посвятивший этому месту обширный комментарий (XIV.2.28), специально задался вопросом: почему поэту понадобилось выделять таким образом карийцев среди массы союзников Трои, одинаково чуждых грекам по культуре и языку и вместе подходящих под понятие «варваров»? Ответ Страбона знаменателен. Правильно подчеркивая, что речь идет не о «варварах», но именно о «варварофонах», т.е. о людях с особым, непривычным «выговором» и ссылаясь на наличие в карийском языке греческих заимствований, географ доказывает, будто гомеровское словоупотребление может служить свидетельством ранних контактов [20] карийцев с греками. Ибо в ту пору, когда другие племена Анатолии вовсе не владели греческой речью, в языке карийцев греки узнавали свои слова, однако искаженные чуждым варварским произношением. Интерпретация Страбона с высоты нынешних знаний о малоазийской истории находит подтверждение в том, что у Гомера речь идет об окрестностях Милета, т.е. именно о тех районах, где раньше всего, уже в XV в. до н.э. появилась колония ахейцев. Если Страбон прав, за узусом Гомера встает трактовка «варварства» не как начала, определенно противостоящего «эллинству», но в качестве особой, отличающейся от греческой, аранжировки явлений, по существу знакомых и понятных грекам.

Тот же самый принцип проявляется и в той роли, которую играют греческие имена в греческих поэмах. Человек с греческим именем — это человек вообще, человек любого рода и племени постольку, поскольку он не маркирован особо «как не-грек». Не свое, родное определяется как отмеченное, сверхценное в противоположность инородному, чужому, но чужое выступает как экзотическое, этнически характерное на фоне «своего», предполагающегося присутствующим в любом этносе, принимаемого за общечеловеческую норму.

Поэтому длинные списки троянцев, умерщвленных теми или иными ахейцами, сплошь или почти сплошь состоящие из обычных греческих имен, не имеют серьезного значения для решения вопроса о греках в исторической Трое. Поэту, как и его предшественникам-аэдам, попросту было легче составлять перечни статистов, выводимых для того, чтобы прибавить славы какому-нибудь ахейскому герою, из греческого ономастического материала, иногда пополняемого для местного колорита малоазийскими вкраплениями, вроде упоминавшихся имен Фалка, Палма, Местла, Наста и т.п. Некритическое отношение к этому эпическому условно-троянскому поэтическому ономастикону не может дать продуктивных результатов. Так, в 1919 г. английский ученый Г. Мекерди опубликовал работу, в которой, проанализировав весь массив греческих имен в гомеровской Трое, делает вывод об их четкой лингво-географической дистрибуции, сплошной соотнесенности с севером Греции, Фессалией, частично Беотией и даже с такой областью, лежащей на грани греческого мира, как Македония.⁵² Но методика Мекерди не выглядит убедительной для ученого, принявшего на вооружение «презумпцию недоверия» к Гомеру в данном пункте.

Этот автор выписывает длинные ряды троянских сложных имен с элементами -δαμας/-τος «обуздатель» (Эвридамант, Лаодамант, Херсидамант и т.д.), -ἄνδρ-ανδρος «муж, человек» (Александр, Пейсандр, Лисандр, Антенор и проч.) и показывает, что в стане греков подобные имена встречаются намного реже, а в случаях их появления для них носителей можно проследить некие «северные» связи. Но ведь эти формы принадлежат к самым популярным моделям в «героической» ономастике греков. По тем же моделям Гомер легко изобретает в «Одиссее» имена для заведомо выдуманных героев, каковы

женихи Пенелопы Пейсандр и Эвридамант (XVIII. 299; XXII. 283), феакиец Лаодамант (VIII. 119) и т.д. Что же касается особого изобилия подобных имен среди поэтических троянцев, то и это можно понять: как раз троянцев приходилось аэдам упоминать в особенно большом количестве для возвеличения греческих героев, тогда как имена последних в основном были даны преданием. Среди ахейцев проходных, ad hoc создаваемых фигур вообще намного меньше, чем среди защитников Илиона.

Некоторые авторы склонны подчеркивать отсутствие у Гомера указаний на этническое отличие троянцев от ахейцев.⁷⁾ Но при этом надо иметь в виду, что гомеровский эпос представляет не самую раннюю версию битвы под Троей. Есть данные, говорящие о том, что в первоначальных эпических песнях о Троянской войне этнокультурные различия могли выступать гораздо более рельефно.

Остановимся на таком важном признаке, как погребальные обычаи троянцев и [21] ахейцев. Как известно, последние практиковали исключительно обряд труположения. Утверждение их в Анатолии знаменуется появлением камерных погребений в Милете и других местах, купольными гробницами знати в Эфесе и Колофоне. Напротив, для Трои VI характерно трупосожжение; вблизи нее К. Блегеном открыто захоронение кремированных останков рядовых троянцев, датируемое XV—XIX вв. до н.э.⁸⁾ Гипотеза Меллаарта, будто троянская верхушка могла практиковать иной обряд,⁹⁾ не опирается на сколько-нибудь достоверные факты. В гомеровское время многие холмы вокруг Илиона считались курганами древних царей и героев, например, Ила (II. X. 415; XI. 166), Айсieta (II. II. 793), царицы Батиеи (II. II. 813), и этот взгляд вполне может соответствовать исторической истине. Похороны Гектора у Гомера включают ту же последовательность процедур кремации и захоронения костей, которая документирована археологически для похорон простых троянцев конца Трои VI и лишь дополняются закладыванием могилы камнями и насыпанием кургана.

Достоверность этой гомеровской сцены увеличивают наблюдения О. Герни. Если К. Биттелем и К. Блегеном отмечалось сходство захоронений в Трое VI и в Хаттусасе,¹⁰⁾ то, по Герни, похороны троянского царевича в финале «Илиады» оказываются идентичными погребальной процедуре, описанной в текстах из Богазкея и включающей, вслед за сожжением тела, заливание погребального костра вином, собирание костей, погружение их в масло и заворачивание в ценную ткань.¹¹⁾ Все эти действия последовательно представлены при погребении Гектора, а закладыванию могилы камнями (II. XXIV. 798) соответствует у хеттов финальное помещение костей в специально сооружавшийся «Каменный дом» (*É hešta*). Герни отмечает любопытную склонность Гомера приписывать тот же самый ритуал изображением в «Илиаде» грекам-ахейцам. Похороны Гектора и Патрокла, различаясь в существенных деталях — лишь в первом случае могила закладывается камнями и только во втором описаны человеческие жертвоприношения и поминальные состязания на могиле, содержат в основе единую, известную нам схему, с кремацией, процедурами с вином, маслом и тканью, и погребением костей. Вспомним также II. VII. 427 sq., где, заключив перемирие, обе стороны предают своих мертвых пламени. Мысль Герни, будто ахейцы могли перенять такой ритуал за годы долгих войн в Малой Азии, не находит археологических подтверждений, ибо трупосожжение повсеместно распространяется в греческом мире гораздо позже, с протогеометрического периода (1050—900 г. до н.э.). Однако мы вправе говорить о единой концепции «героического погребения», распространяемой Гомером на обе стороны, борющиеся под Илионом, и восходящей в основных чертах к одному из анатолийских погребальных обрядов II тыс. до н.э., который вполне мог бытовать и в Трое VI-VIIa. Возможно, складыванию такой концепции как раз способствовало усвоение греками кремации, когда описанный в эпосе троянский обычай мог начать восприниматься не на правах явления чужой культуры, но как особо торжественная версия ритуальной практики, принятой и у греков.

В «Илиаде» обнаруживается только одно место, где вразрез с этой эпической установкой на поверхность выходит исторически достоверное для времени Троянской войны различие троянцев и ахейцев как народов с разными погребальными традициями. Это сюжетно изолированный и, по мнению некоторых ученых, догомеровский, вторично интегрированный в «Илиаду» эпизод-интермедия поединка Гектора и Аякса из VII песни (стх. 77 сл.), где Гектор, посылая ахейцам вызов на поединок, провозглашает: «Если он (противник) поразит меня длиннолезвийной медью, то пусть, сняв доспехи, отнесет их к выдолбленным кораблям, а тело мое отдаст домой, чтобы [22] троянцы и жены троянцев предали меня, мертвого, огню. Если же я его убью, то... мертвого верну к крепкопалубным кораблям, чтобы его погребли

длинноволосые ахейцы и памятный холм ему насыпали над широким Геллеспонтом». Здесь «трупосжигающие» троянцы явно противопоставляются ахейцам, которые справляют при похоронах своего героя обряд насыпания кургана без каких-либо упоминаний о погребальном костре. Вероятно, вся сцена с формулой вызова способна восходить к прообразу — «поединок ахейца с троянцем» в догомеровском устном эпосе, и прообраз этот должен был оформиться не позже субмикенского периода, пока оппозиция троянского и греко-балканского типов погребения не потеряла своей актуальности.¹²⁾ В начале складывания песен Троянского цикла противоборствующие народы могли в нем различаться не только материальными объектами (например, «фракийские мечи» троянцев), но и обрядами, ритуальной практикой, однако эта оппозиция на большей части гомеровского текста уже оказывается нейтрализованной. Тем самым отводится тезис об этническом единстве греков и троянцев у Гомера. Были ли среди троянцев люди, говорящие по-гречески, это иной вопрос, но этот народ не может быть отождествлен с микенцами.

Попытаемся подойти к проблеме отношений между Грецией и Троей с другой стороны, не затронутой вторичными процессами, происходившими внутри греческой традиции. Посмотрим, что нам скажут на этот счет археологи, исследовавшие материальную культуру Трои.

II

Троя II, чью культуру лувийцы, пройдя через эти места, распространили далеко на юг, погибла около 2300 г. до н.э. — не ясно, из-за внешнего вторжения или внутренних распрей. Ее властители, покидая город, видимо, полагали, что разлука с ним будет недолгой: об этом говорит зарытый ими перед уходом знаменитый «клад Приама». Но вернуться им не пришлось. На руинах утвердились новые жители, продолжавшие культуру Трои II, но в более упрощенном и грубом варианте, а также унаследовавшие связи города с Северными Балканами. За последующие 500 лет город дважды перестраивался (Троя III-V, примерно 2300—1800 гг. до н.э., по Блегену), постепенно расширяясь и обнаруживая неуклонный прогресс в разных сферах жизни. Уже в малопредставительной Трое III, как показывают ее пищевые остатки, люди больше и лучше ели, чем в великолепной Трое II, а это говорит о процветающем сельском хозяйстве; в Трое IV широко распространяется гончарный круг, совершенствуется кулинарное искусство; наконец, в Трое V (XX в. до н.э.) город в целом обновляется, возводятся новые стены, больше внимания уделяется гигиене (мусор убирается за пределы жилищ), появляются красивые сосуды с аппликацией и процарапанным орнаментом; в эти века жители проявляют любовь к охоте, в их меню присутствует дичь.¹³⁾

Но новый подъем Трои внезапно не то прерывается, не то переходит в совершенно непредсказуемую форму. Вопреки Блегену мало похоже на то, чтобы Троей V вдруг овладели завоеватели, ибо в данном слое нет никаких признаков пожара, а относительно некоторых строений ученые вообще колеблются, относить ли их к концу этой фазы или уже к началу Трои VI.¹⁴⁾ Но тем не менее перемены огромны. Город еще раз перестраивается, причем по неизвестному ранее архитектурному плану, превращаясь в цепь спускающихся по холму, разделенных стенами, террас. На смену скученным, прижимающимся друг к другу стенами домам приходят до 50 обширных, отстоящих друг от друга, свободно расположенных на террасах строений, каждое из [23] которых принадлежало отдельному знатному семейству. Всего этот город должно было обслуживать несколько тысяч человек. Окружающей его в целом стене (в XIV в. до н.э. около 6 м высоты) придает необычный вид многоугольника с выступами на внешней стороне.¹⁵⁾ Короче говоря, Троя превращается в поражающий воображение ахейцев «город Лаомедонта».

Среди жителей новой Трои оказываются люди с навыками коневодов, в Троаде начинается незнакомое предыдущим векам разведение коней, закладываются предпосылки будущих мифов о замечательных конях Троса и Лаомедонта.¹⁶⁾ И наконец, в городе излюбленным становится новый роскошный вид посуды, так называемая «серо-минийская» керамика. Это одна, может быть, самая известная из разновидностей «минийской» керамики, характеризующейся особой техникой обжига, которая придает поверхности глиняного сосуда вид изделия из золота, меди или серебра. «Серо-минийская» керамика как раз имитирует серебро.¹⁷⁾

Для Блегена находение в Трое VI такой посуды значило очень много. Дело в том, что именно в начале II тыс. до н.э., на переходе от Ранней к Средней бронзе, аналогичная керамика повсеместно утверждается и в Греции, от Фессалии до Лаконии и Арголиты. Это время отмечено страшными разрушениями во многих населенных пунктах и появлением в них после отстройки ряда культурных нововведений, таких, как начало коневодства, ящечные погребения в скрюченных позах, погребальные холмы-тумулусы курганного типа, дома с полусводом-апсидой. Все эти многообразные перемены рассматриваются археологами в качестве примет едва ли не самого крупного племенного переселения, из охватывавших Грецию на протяжении Бронзового века вплоть до великих миграций конца II тыс. до н.э. Еще в 1928 г. молодой Блеген вместе с Дж. Хейли опубликовали работу, где отождествили эти события с приходом в Грецию первой, ионийской волны греков, тогда как со второй, ахейской волной, появившейся около 1600 г. до н.э., связывалось создание микенской культуры: колесницы-погребения в прямых позах, с богатой утварью, шахтные захоронения и круглые усыпальницы-толосы, циклопические стены Микен, вытеснение «минийской» керамики микенской и т.п.¹⁸⁾ Исследование Хейли и Блегена в этом смысле в основном сохранило свое значение и до сих пор. Самое важное дополнение в их схему внесли раскопки поселения в Лерне, проведенные в 50-х годах Дж. Каски и обнаружившие сильное разрушение, пережитое Лерной намного раньше, чем другими раннебронзовыми поселениями Греции — еще в конце раннебронзового периода II, около 2200 г. до н.э., когда здесь появляются и «серо-минийская» керамика, и дома с апсидой.¹⁹⁾ Видимо, в Лерне какая-то группа греков (или еще прагреков) утвердилась в начале Раннебронзового периода III, сильно опередив своих сородичей. Их можно было бы сблизить с предками будущих носителей аркадо-кипрского диалекта, наложившего отпечаток и на микенское койнэ. Этот диалект отличается весьма архаичными чертами, например, родительным падежом единственного числа на -v, как в хетто-лувийских языках, или спряжением глагола в медиальном залоге: 2-е л.ед.ч. на -oi < *soi, 3-е л.ед.ч. на -toi, 3-е л.множ.ч. на -vtoi, хотя в других диалектных ветвях в этих лицах, под влиянием 1 л.ед.ч., утвердился дифтонг -oi. Все эти признаки, делающие «из этого диалекта музей реликтов не только в греческом, но и в индоевропейском плане»,²⁰⁾ побуждают думать о раннем отделении говорившего на нем этноса, позднее проживавшего на Пелопоннесе, от других прагреков и склоняют соотнести его с теми лернейскими «первопроходцами», которые еще в раннебронзовую эпоху смогли достичь Восточного Пелопоннеса. [24]

Но вернемся к Трое. Картина радикальных изменений, происшедших здесь синхронно с появлением «серо-минийской» керамики, заставила Блегена предположить вторжение сюда какой-то группы греков-коневодов из Македонии или Фессалии, овладевших городом и перестроивших его по своему вкусу.²¹⁾ Этим легко можно было бы объяснить решительное изменение во внешних торговых и культурных связях Трои — предыдущие слои города характеризуются постоянным взаимодействием с раннефракийским регионом, а Троя VI «поворачивается лицом на запад», к Греции.²²⁾ Проявляется это в широком ввозе новыми троянцами изделий греческого импорта и особенно в появлении здесь ранней микенской керамики (микенских периодов I и II). Данные обстоятельства недвусмысленно указывают на установление связей между Троей VI и Ахейской Грецией с XVII—XVI вв. до н.э., т.е. за 150-200 лет до выведения самими ахейцами первых своих колоний в Анатолию. В свою очередь микенская эпоха лишь продолжает более ранние традиции греко-троянского общения, установившиеся еще в среднеэлладский период.

Однако в отличие от Греции, где микенская керамика сменяет «минийскую», в Трое последняя полностью сохраняет свой престиж и в большом количестве производится местными мастерскими. Более того, здесь наблюдаются «экспериментальные» попытки комбинировать новую моду с многовековой троянской традицией, выпуская микенские по форме сосуды, выполненные в «серо-минийской» технике.²³⁾ Этот вид керамики был настолько любим троянцами, рассматривавшими его как неотъемлемое достояние своей культуры, своего стиля жизни, что они, по наблюдениям Блегена, сумели пронести его через «темные века», когда Илион с XI по VIII в. до н.э. лежал в руинах, а выходцы из него, управляемые «потомками Энея», обитали на более безопасных склонах соседних гор. Ок. 700 г. до н.э., когда греки, вероятно, уже под впечатлением гомеровского эпоса, строят свою новую Трою VIII, в их состав вливаются исконные троянцы и в городе вновь появляется, как бы знаменующая тысячелетнюю непрерывность традиции, «серо-минийская» посуда.²⁴⁾

Созданная Блегеном яркая картина «греческой» Трои была принята многими учеными. В частности, А. Гётце прямо трактовал Трою VI как греческую колонию.²⁵⁾ Затруднения возникали из-за неясности истоков «серо-минийской» керамики, отсутствия у нее явных прототипов в Юго-Восточной Европе, делавшего любой ответ на вопрос о ее происхождении сугубо гипотетичным.²⁶⁾ Поэтому в 1958 г. Дж. Меллаарт, также признававший чисто греческие связи Трои VI,²⁷⁾ выдвинул свою знаменитую концепцию, радикально переворачивавшую характер отношений между Троей и греческими племенами по сравнению с теорией Блегена.

Вслед за Биттелем считая Трою VI естественным продолжением Трои V и отрицая вторжение сюда каких бы то ни было завоевателей на рубеже этих периодов, Меллаарт, однако, игнорировал континуитет Трои II и III, на котором настаивал Блеген. Английский ученый сделал акцент на распространении характерных типов сосудов, выполнявшихся в Трое в «серо-минийской» технике, также и в соседних областях Северо-Западной Анатолии: на юг от Трои до обширного поселения Бейджесултан в долине Меандра и на восток, охватывая ряд поселений в юго-восточной части Пропонтиды (Баликешир, Изник, Тавшанлы и др.). По Меллаарту, самые ранние из этих форм первоначально возникают в слоях XIII—XIV Бейджесултана, соответствующих эпохе Трои II, первые же по времени «серо-минийские» сосуды, датируемые им периодом Трои V, этот ученый находил вблизи Боспора в окрестностях [25] озера Изник. На этих фактах строилась его гипотеза, согласно которой этносом, вытеснившим лувийцев из Трои II и поселившимся на ее руинах в Трое III (т.е. с 2300 г.), были греки. Двигаясь далее на юг, они могли достичь Бейджесултана, где восприняли новые для них формы сосудов, которые здесь будто бы стали в это время изготавливаться из металла (чему нет прямых подтверждений). В дальнейшем ими была выработана техника обжига глины, воспроизводящая металлическую окраску. В начале II тыс. до н.э., по мысли Меллаарта, под встречным давлением лувийцев греки были оттеснены назад в Трою. Часть их занялась обновлением и укреплением этого города, выстроив Трою VI, другие же перебрались на Балканы, при этом разделившись на две группы: одна из них двинулась через Фракию к хребту Пинда — это были предки дорийцев; другая же переправилась морем в Беотию и принесла с собой в Грецию новый керамический стиль, а также характерный для среднеэлладской эпохи план дома с внутренним залом-мегароном, который издавна известен в Северо-Западной Анатолии, встречаясь в Трое I, в Полиохни на Лемносе и др., — это якобы оказались ионийцы и ахейцы.²⁸⁾

Идея Меллаарта приобрела широкую известность в начале 60-х годов: теория «греков из Трои» оказалась сильной альтернативой блегеновской мысли о «тroyанцах из Греции». Однако нужно иметь в виду, что отправной областью греческой миграции Меллаарт, как и Блеген, считал Юго-Восточную Европу, допуская для этого народа по пути в Грецию своего рода «петлю» с заходом на северо-запад Анатолии. Поэтому попытка использовать выкладки Меллаарта в поддержку концепции переднеазиатского происхождения индоевропейцев²⁹⁾ ни в коей мере не может быть относима на счет этого ученого. Впрочем, в дальнейшем он сам от своей идеи отказался под впечатлением вышедшей в 1962 г. книги Л. Палмера.³⁰⁾ У Палмера греки не играют никакой роли в жизни Трояды начала II тыс. до н.э., тогда как теснимые с востока хеттами лувийцы, создатели «серо-минийской» керамики, возвращаются в Трояду и воздвигают Трою VI, причем часть их отсюда перебирается в Грецию, которая до 1600 г. до н.э., по Палмеру, была лувийской. Первыми же греками на ее земле он считает ахейцев, с которых начинается микенская эпоха. Гипотеза Палмера не получила сколько-нибудь длительного признания, да и Меллаарт вскоре ее отверг.³¹⁾ На самом деле, лувийские элементы в топонимике Греции прослеживаются вполне отчетливо,³²⁾ но их распределение скорее позволяет говорить о проникновении сюда отдельных групп анатолийских мигрантов, нежели о тотальной лувизации юга Балканского полуострова. Что же касается Трои, то построение Палмера никак не объясняет важнейшего аспекта ее истории, с которым так или иначе соотносились версии Блегена и Меллаарта (1958 г.): замечательной причастности тroyанцев ко всему, происходящему в Греции, причастности, позволившей им быстро оценить новый стиль, возникший в Микенах. Подобная ориентация на Грецию для первой половины II тыс. до н.э. не находит аналога в лувийских районах Анатолии.

Наиболее интересная антитеза обеим концепциям — и «тroyанцев из Греции» и «греков из Трояды» — обоснована Д. Френчем.³³⁾ Автор полностью принял мысль Меллаарта о принадлежности «серо-минийской» керамики Трои к кругу керамических [26] стилей, оформившихся в конце III тыс. до н.э. к югу от Мраморного моря, которые в целом Френч именует «инегельской серой керамикой» по названию одного

из здешних поселений. Но если Блеген и Меллаарт в один голос отрицали преемственность «серо-минийской» керамики Трои VI по отношению к серой керамике, бывшей в ходу в Трое,³⁴⁾ то Френч связь между ними считает несомненной и, напротив, решительно оспаривает тождество «инегельской» посуды в Северо-Западной Анатолии и «серо-минийской» керамики Греции. Последний тип керамических изделий он полагает независимо возникшим в будущих греческих областях в конце III тыс. до н.э.³⁵⁾ В рамках этой идеи Р. Хоуэлл пытается доказать зарождение этого стиля на Пелопоннесе и последующее его распространение на север, хотя в конечном счете и надеется его вывести из баденской культуры Юго-Восточной Европы.³⁶⁾ Впрочем, Френч вынужден признать появление в Трое VI отдельных среднеэлладских импортных сосудов и, с другой стороны, как непроверенную гипотезу, с явной неохотой, способен допустить влияние «инегельского» прототипа на возникновение самой идеи изготовления подобной посуды в Греции.³⁷⁾

Итак, если оставить в стороне различные, на наш взгляд, малоперспективные конъектуры, мы располагаем, применительно к соотношению культур Среднеэлладской Греции и Трои VI, тремя глубоко разработанными теориями: Блегена (троянцы — из Северной Греции), Меллаарта 1958 г. (греки, по крайней мере, какая-то их часть — из Трои) и Френча (независимая эволюция культур при возможном обмене идеями и единичными импортными изделиями). Надо сказать, что сама по себе парадная «серо-минийская» керамика как явление моды не может считаться надежным показателем этнической близости.³⁸⁾ Однако с Троей дело все-таки обстоит по-особому, из-за уникальной многовековой приверженности троянцев к этой посуде, и главным образом потому, что определенная аналогия керамических стилей в Трое и в Греции в период Средней бронзы прямо переходит в последующие контакты города над Геллеспонтом с микенским миром, установившиеся еще до начала движения самих микенцев в Анатолию. Мнение о независимых истоках подобной керамики в каждом из двух ареалов ничему не противоречит: конвергенция, склонность к усвоению на новой территории определенных явлений из ее культурного достояния также может быть серьезным этно-историческим условием.

Даже культурная непрерывность в эволюции Трои от слоя II к слою VI, если бы эту непрерывность удалось доказать, не была бы аргументом против возможности появления здесь прагреческих этносов в конце III тыс. до н.э. Народы не обязательно приходят в новые места обитания как разрушители или инициаторы немедленных культурных переворотов.³⁹⁾ В истории хорошо известна модель инфильтрации, постепенного притока иммигрантов в некую область, лишь по прошествии ряда десятилетий, а то и столетий, дающего радикальный скачок в энокультурном облике данной области. Именно так из вилланованской италийской культуры в VIII в. до н.э. без потрясений, говоривших бы о вторжении завоевателей, выкристаллизовывается культура этрусков, народа с глубокими восточноэгейскими корнями. По мнению Меллаарта, таким же образом, — малыми группами, как пастухи или приглашаемые на службу воины-наемники могли первоначально проникать в Анатолию лувийцы...⁴⁰⁾ Тот же самый процесс мог иметь место в случае с прагреками.

Конечно, нет нужды и оснований для приравнивания Трои к греческим колониям: ее отношение к Ахейской Греции имело совершенно иной характер. В отличие от того, [27] что заметно в XV—XIII вв. до н.э. у греков Милета, Эфеса, Колофона, для Трои не устанавливается следования в стиле жизни за переменами, переживаемыми ахейскими столицами. Разумеется, троянцы зорко следили за греческой модой. Ими высоко ценился греческий импорт, тогда как хеттскими изделиями они пренебрегали даже в периоды наиболее активного политического взаимодействия с Хеттской империей. На этот счет существует совершенно недвусмысленное высказывание К. Блегена: «In any event, so far as is known to me, not one single Hittite import has been recognized from any stratified deposit at Troy, and conversely, characteristic Trojan objects have not been found in deposits at the principal Hittite centers».⁴¹⁾

Но в то же время весьма показательным является непоколебимое пристрастие к «серо-минийской» посуде даже в ту пору, когда в Греции аналогичный стиль уже сотни лет как ушел в прошлое. Симптоматично отсутствие в Трое усыпальниц-толосов или каких бы то ни было признаков скальных погребений. В XIV в. до н.э., когда прямым влиянием микенцев охватывается значительная часть побережья Анатолии, троянцы, поддерживая с ними связи, тем не менее невозмутимо соблюдали свои старые обычаи. Конечно, любовь к греческим изделиям предполагала хотя бы у какой-то группы троянцев владение языком ахейских контрагентов. Однако между этим городом и Ахейской Грецией поддерживалась

этнокультурная дистанция: жившие здесь осознавали себя троянцами. И тем не менее во всем негреческом мире на протяжении II тыс. до н.э. невозможно найти страну или город, которые, не сливаясь с Грецией, не подпадая под ее доминат, были бы так явно, даже демонстративно обращены к ней. Если бы тождество троянской и греческой керамики в первую половину этого тысячелетия, как полагает Френч, было заблуждением археологов, показательно уже то, что ни одна страна, кроме Трои и соседних с ней территорий, не могла бы ввести в подобное заблуждение.

В заключение археологического обзора следует отметить важные достижения в 70-х годах в реконструкции путей расселения по Балканам отдельных групп греческих племен. Появление греков в Македонии и движение их отсюда на юг сейчас трактуется как часть более широкого движения народов, представителей так называемой «курганной волны IV», по периодизации М. Гимбутас. Примерно ок. 2400—2300 г. до н.э. эти племена вторгаются из Причерноморских степей на север Балканского полуострова, в полосу цветущих раннебронзовых культур Восточной Фракии — Эзеро, Юнаците, Чернавода и др., а затем прорываются в Грецию, вводя со своим приходом «степной» тип погребения в холмах-тумулусах, напоминающих курганы.⁴²⁾

Изучая следы этого вторжения, Н. Хаммонд увидел признаки четырех племенных образований. Одно из них, оседающее на юго-востоке Македонии, в долине реки Галиакмона и на склонах Олимпа, отождествляется с позднейшими македонцами, другое, постепенно продвигающееся из Македонии в Эпир, к склонам Пинда — с прадорийцами.⁴³⁾ Остальные же племена, уходящие на юг, собственно в Грецию на Пелопоннес, отмечают свой долгий путь огромными (до 20 м в диаметре) тумулусами, где погребения часто ограждаются вертикальными плитами: такие холмы обнаруживаются на юге в Лерне (вероятно, древнейшее поселение греков на Пелопоннесе), а в более позднее время в Микенах, Пилосе и в Мессении. Хаммонд видит здесь следы праахейской миграции. Другой тип тумулусов — обычно меньших размеров (до 10 м в диаметре), с ограждением захоронений горизонтальными плитами и иногда помещением тела усопшего в сосуд-пифос, который и опускается в погребальную камеру, Хаммонд прослеживает с конца раннебронзового периода II на островах Ионийского моря (Левкада, Кефаллония), на северо-западе Пелопоннеса, также вблизи мессенского Пилоса и в Афидне (Аттика). Эту традицию он приписывает праионийцам, [28] которые, по его мнению, достигнув берегов Адриатики, далее двигались морем, создавая поселения в прибрежных районах полуострова.⁴⁴⁾

Гипотеза Хаммонда выглядит очень убедительно с учетом распространения в топонимике рефлексов имени ионийцев. Едва ли возможно объяснить образование от данного этникона обозначения для Ионийского моря, если не предположить, что данная группа прагреков должна была освоить берега этого моря раньше прочих родственных племен. В то же время наименование Ионией соседствующей с Пилосом области Пелопоннеса Айгиалеи, но также Аттики и Саламина, мест, далеко отстоящих друг от друга и объединяемых только своим прибрежным расположением, свидетельствует о расселении праионийцев морским путем. Однако знакомству этих носителей курганной культуры с морем должно было предшествовать их проникновение во второй половине III тыс. до н.э. через македонскую территорию на земли, граничащие с Адриатикой. В пользу такого пути говорит и возможность сближения с именем ионийцев названия реки "Ιων на севере Фессалии, притока Пенея.⁴⁵⁾ Исследование Хаммонда воссоздает картину чрезвычайно мощного, хотя, надо думать, не очень торопливого вторжения прагреков в районы севернее Фессалии с запада — со стороны Эгейской Фракии. Какое-то время будущие иллирийские области оказались наводнены пришельцами, собственно же праиллирийские племена были, по-видимому, оттеснены на север. Идея Меллаарта (1958 г.) о прибытии праионийского и праахейского контингента морем сразу же в Беотию оказалась нежизнеспособной, тем более что огромный массив раннегреческой топономастики, обнаруживаемой в Эпире, а также на севере и западе Фессалии заставляет думать о пребывании здесь прагреков в течение нескольких столетий перед началом их продвижения к югу.⁴⁶⁾ С этой картиной следует считаться, обсуждая вопрос о возможности присутствия в конце III — начале II тыс. до н.э. каких-то прагреческих элементов в Северо-Западной Анатолии.

III

Вернемся снова к ономастикону гомеровской Трои. Есть ли здесь среди массы форм, искусственно созданных Гомером и его предшественниками-аэдами, такие, которые могли бы претендовать на статус архаических вкраплений, восходящих к реальной антропонимике Трои VI и VIIa?

Да, такие случаи имеются. Мы обсудим сейчас только два из них, которые кажутся наименее дискуссионными и с достаточной определенностью включаются в перспективу, задаваемую свидетельствами троянской археологии. Первым, бесспорно, является имя 'Αλέξανδρος «защитник мужей», соответствующее хет. *Alakšanduš*, передающему имя царя, правившего в Илионе-Вилусе на рубеже XIV—XIII вв. до н.э. и послужившего прообразом Александра-Париса. Предположение Ф. Зоммера, будто как раз последняя форма может представлять греческую адаптацию малоазиатского [29] прототипа, неубедительно из-за полной невозможности объяснить имя Алаксандуса на почве известных анатолийских языков. Между тем в ту же самую эпоху в Микенах зафиксирован женский эквивалент этого имени *a-re-ka-sa-da-ra* «Александра» (My. V 659). Традиция знает также Александра — сына легендарного микенского царя Эврисфея (Apd. II.8.1.). Важный нюанс — после Троянской войны это имя на 800 лет практически выпадает из живой греческой антропонимике и возвращается в нее в эпоху расцвета Македонии. Самый ранний Александр, известный в греческой истории, — царь Македонии, правивший в 498—454 гг. до н.э. Лишь в IV в. до н.э. данное имя выходит за пределы Македонии и появляется в соседних с ней греческих государствах — Эпире и фессалийских Ферах. После походов Александра Македонского, в окружении которого был ряд одноименных македонцев, оно становится одним из популярнейших в греческом мире, но в эпоху «Илиады» греки могли узнать его только из традиции.

Интересно, что то же имя активно используется в теонимической функции исключительно на Пелопоннесе, вблизи старых ахейских центров: известен культ богини Александры в лаконских Амиклах (Paus. III. 19,6), а также эпиклеза Геры 'Αλέξανδρος «защитница мужей» в Сикионе (Schol. Pind. Nem. IX. 30). Кроме того, в Сикионе существовал культ героя Алексенора (Αλεξήνωρ), чье имя представляет вариант к имени Александра с той же семантикой «защитник мужей» (Paus. II. 11,5-7). Если учесть также очень редкое прилагательное αλέξανδρος (πόλεμος) как определение оборонительной войны (Diod. XI. 14), то можно говорить о существовании в греческом устойчивой формулы-композиции 'Αλέξανδρος «защитник мужей», употреблявшейся в ономастическом качестве в Микенской Греции и в областях, связанных с микенскими традициями, а также в Македонии, т.е. за северными пределами собственно греческого ареала. К этой же греческой формуле-композиции восходило и имя царя Вилусы, т.е. Трои VI или начала Трои VII, послужившего прообразом для Александра-Париса.

Второй случай — это имя сестры Александра и дочери Приама Кассандры. В судьбе этих греческих имен есть одна важная общая черта: имя Кассандры также было неупотребительно в исторической Греции, возможно в какой-то мере под влиянием негативных ассоциаций, сопряженных в Троянских сказаниях с образом Кассандры — предсказательницы зла.⁴⁷⁾ И точно так же «мужской» коррелят к этому имени — «Кассандр» употребляется среди македонской знати и распространяется в Греции лишь после того, как Кассандр, сын Антипатра, в конце IV в. до н.э. восходит на македонский престол и некоторое время распоряжается судьбой греческих городов.

Однако в истории этих имен находим и принципиальные различия. В отличие от имени Александра троянск. *Κασσάνδρα* не находит параллелей нигде, кроме Македонии, и не интерпретируется на основе греческого словаря, ибо основа *κασσ-* в греческом утеряна.

Интересно, что имена «Кассандр» и «Кассандра», семантически омертвевшие для греческого, обретают точные цельноформульные эквиваленты в таких словосочетаниях из ведийских и авестийских текстов, как вед. *narām śāṃsaḥ* «слава мужей», *Narāsaṃsaḥ* прозвища богов Агни и Пушана, авест. теоним *Nairjō. saṃha* < *(ə)nerōm k'ansos.⁴⁸⁾ Тем самым восстанавливается общая греко-индоиранская поэтическая формула, которая базируется в своей греческой части исключительно на македонском имени и на соответствии к нему в легендах Трои.

Между тем язык древних македонцев, судя по сохранившимся глоссам, хотя и был лексически очень близок к греческому, но некоторыми чертами отличался от всех [30] греческих диалектов. В

частности, в этом языке греческим глухим придыхательным соответствовали звуки, в глоссах передающиеся буквами для звонких смычных: греч. αἰθήρ «небо, эфир», др.-мак. αἰή при др.-инд. *idh-* «гореть, светить»; греч. θάνατος «смерть», др.-мак. δάναος при др.-инд. *dhvam̐s-* «умирать». Поскольку это же наблюдается и в македонских заимствованиях из греческого (вроде κεφαλή «голова» = греч. κεφαλή, при исконной македонской форме этого слова γαβαλά), для данного реликтового языка восстанавливается ряд звонких придыхательных, подобных тем, что имеются в близких греческому индоевропейских языках: древнеиндийском и некоторых диалектах армянского, а предполагаются и для древнеармянского и для общеиндо-иранского языкового состояния.⁴⁹⁾ Можно думать, что прамакедонский в глубокой древности отделился от прагреческих диалектов, когда те сохраняли свой ранний консонантизм, близкий к праармянскому и праиндоиранскому, до оглушения придыхательных. Понятно, как важно с этой точки зрения наличие в ономастике македонцев соответствия индоиранской поэтической формуле: тем самым древнемакедонский как бы доносит до нас рудимент прагреческой поэтической культуры. Но как быть с предполагаемой троянской параллелью?

Ответить помогает контекст из «Илиады» (VIII. 304 sq.), где говорится о побочном сыне Приама Горгитионе, рожденном Кастианейрой из города Айсимы. Легко увидеть, что имя Καστιάνειρα < *kʰnsti-əner-ja представляет точно такой же вариант к имени Κασσάνδρα < *kʰnsti-ənr-a, как «Алексенор» при «Александр». Итак, в легендах греков мы находим два ономастических отражения одной и той же прагреческой формулы, и оба случая связаны с древней Троядой. Тут же обнаруживается прямой выход на македонцев, совершенно неизвестных гомеровским поэмам. Город Айсима, из которого происходила Кастианейра, лежал на крайнем западе Эгейской Фракии на берегу Стримонского залива, рядом с Халкидским полуостровом; за ним начиналась македонская область. Гомер дает название этого города в виде Αἰσύμη, что напоминает фракийское название троянской реки Αἰσυτός и прочие рефлексy и.е. **Hois-* «быстрый» во фракийском ареале. Но вопреки Гомеру это название много раз отражено в варианте *Oesyra*, Οἰσύμη (Thuc. 4. 107. 5; Scyl. 67; Ptol. 3. 12. 7; Plin. 4. 12), который может восходить к той же основе, но едва ли является фракийским: в этом языке дифтонги *ou*, *oi* обычно дают *au*, *ai*,⁵⁰⁾ что и подтверждает вариант Айсима, видимо, как попытка «фракизации» топонима. В названии Ойсимы было бы заманчиво предположить ранний реликт прамакедонского, восходящий ко времени до смещения носителей этого диалекта на запад к долине Галиакмона. В отличие от греческого древнемакедонский сохраняет интервокальное *-s-*, ср. топоним Ἐδέσσα ~ совр. *Voden* < *ʰedes-ja, букв. «Водная», или др.-мак. τελεσίς — название воинского танца < *kʰeles-ja «круговая пляска», ср. греч. τέλος «завершение», слав. *kolo, род. пад. *kolese «круг, колесо; вид танца».⁵¹⁾ Поэтому Οἰσύμη может рассматриваться как отражение прагреко-македонского *oisma «стремнина», ср. греч. οἰμάω «устремляться», далее греч. οἶμα, -στος «натиск», авест. *aēšma* «гнев». Если название Ойсимы — след пребывания прамакедонцев (и прагреков?) в праистории на западной окраине фракийского побережья, то не случайно происхождение отсюда в эпосе супруги или наложницы Приама с именем, отражающим ту же прагреческую формулу, что и македонское «Кассандр». Имя Алексадра-Алаксандуса, прямо засвидетельствованное для Вилусы XIV в. до н.э., соответствует македонскому и одновременно микенскому, т.е. возможно, уже прагреческому имени-композицу, тогда как троянские имена [31] Кассандры и Кастианейры — это определенно прагреко-македонские, с проекцией на греко-индоиранский уровень, формульные образования-реликты, изоглоссой соединившие ономастику македонцев и традицию о царях Трои.

В связи с чем можно утверждать с достаточной уверенностью, что в массиве условной «греко-троянской» ономастики эпоса присутствуют оригинальные греческие имена большой древности, которые должны были бытовать в Трое, по крайней мере в последней четверти II тыс. до н.э., но могут восходить здесь к эпохе значительно более ранней.

IV

Относительно доказательств появления греков (точнее прагреков) в Трое задолго до Троянской войны целесообразно еще рассмотреть некоторые другие факты из сферы троянской ономастики, интерпретируя их на фоне сохранившейся мифо-исторической традиции. Из них наиболее многозначительными оказываются ареальные связи названия Ἰλίος (реже Ἰλίον) = хетт. *Wiluša*.⁵²⁾

Нам уже приходилось в ряде работ касаться договора с Алакандусом из Вилусы, где в историческом введении говорится о контактах, возникших между Вилусой и хеттами в эпоху царя Лабарны, правившего в 1680—1650 гг. до н.э. Поэтому можно думать, что название Илиона-Вилусы существовало уже в начале этого периода,⁵³⁾ ознаменовавшегося решительной культурной переориентацией Трои с протофракийского региона на Грецию.

Это название имеет определенное отношение к топонимике Фракии. Упомянутый Стефаном Византийским Илион в области астов, на территории которой локализуется раннебронзовая культура Эзеро, протофракийский двойник современной ей Трои, — параллель достоверная, хотя изолированная и не выходящая за пределы Пропонтиды. Но анатолийские и греческие соответствия в культурно-историческом плане оказываются не менее знаменательными. Вспомним здесь об Илионе на р. Риндак, к востоку от Трои, а также о городе Илузе (Ἰλουζα) вблизи верховьев Меандра с названием, точно отвечающим хет. *Wiluša*. Помимо того, вблизи Сард местными надписями зафиксированы топонимы Ἰλου κώμη «Илово селение» и Ἰλου ορος «Илова гора».⁵⁴⁾ Они слишком удалены от Трои, чтобы их можно было напрямую связывать с именем мифического Ила, эпонима Илиона. Естественнее соотнести их с той же основой, что представлена в обозначении Илузы, и восстановить название горы и селения на ней (или около нее) вроде **Wilu(s)-*, родственное Ἰλουζα < *Wilusa и лишь вторично осмысляемое как генетив от имени «Ил». Но та же основа **Wilu(s)-*, как указывал Кречмер, может обнаруживаться и в Трое в наименовании высокого холма Ἰλου τύμβος «Илов курган» (II. XI. 372).⁵⁵⁾ Прочие малоазийские топонимы, иногда упоминаемые в этой связи, вроде Илистры в Ликаонии, и морфологически, и территориально имеют с рассмотренными формами мало общего и позволяют собой пренебречь как сомнительными и, вероятно, случайными созвучиями.⁵⁶⁾ Но на северо-западе полуострова видна четкая изоглосса, объединяющая Трои с Вифинией, юго-восточной окраиной Пропонтиды, и долиной Меандра, что в пересчете на начало II тыс. до н.э. совпадает с областями близких культур Трои, Инегёля и Бейджесултана.

Обратимся теперь к Греции. Наряду с Илионами в Пропонтиде Стефан Византийский упоминает одноименные города в Македонии и Фессалии. Из них первый [32] был хорошо известен. Иногда его строительство приписывалось сыну Приама Гелену, будто бы вывезенному ахейцами в Грецию (Ard. Ep. 6.12); ср. поэтическое изображение этого городка как миниатюрной копии с Лаомедонтовой Трои в «Энеиде» Вергилия (III. 349 сл.). Однако вскоре станет видно, что переключка троянского и македонского названия могла осмысляться и совсем иначе. Упомянем о любопытной гипотезе Г. Узенера, будто в названии последнего месяца дельфийского года Ἰλαίος: может скрываться обозначение священного места, где в ту пору справлялся праздник, — скалы с пещерой, мифическим обиталищем дракона. Этот ученый писал о параллелизме образований Ἰλαίος : Ἰλιος, будто бы относящихся к скале, крепости.⁵⁷⁾ Но наиболее явную аналогию фессало-македонским топонимам дает лаконское название культового центра Ἰλίου ορος (Paus. III. 24.6-8), высокой горы со святилищами Диониса и Асклепия. Оно может восходить к микенскому времени. В этом случае оно может быть отождествлено с загадочным названием *w'i-li-ja* в египетском списке XIV в. до н.э. из Ком-эль-Гетана, перечисляющим ряд городов Ахейской Греции: *W'i-li-ja* в нем фигурирует рядом с *Mu-k'a-nu* — Микенами, *Bi-sa-ja* — аргонидской Писой, *Di-qa-ês* — Тереей, *Mi'sa-nê* — Мессенией (мик. *me-za-na*), а также *ku-ti-ra*, т.е. Киферой (мик. *ku-te-ra*) — островом, прилегающим к Лаконике.⁵⁸⁾ Поэтому лаконская локализация *W'i-li-ja* и сближение с Ἰλίου ορος вполне правдоподобны.

Итак, «илейская» топонимика хорошо прослеживается в Северо-Западной Анатолии, а также в Северной и Средней Греции и на Пелопоннесе, как бы отмечая своим присутствием рубежи распространения «инегельско-троянского» и греческого типов «серо-минийской» керамики. Реальная семантика всех этих топонимов, неизменно обозначающих горные возвышенности со стоящими на них поселениями, крепостями и святилищами, — ср. словосочетания типа «Илов курган», «высокий, обрывистый Илион» (Ἰλιον αἰττι) в Трое, «Илова гора» в Лидии, «Илийская гора» в Лаконике, также недавно рассмотренный нами в деталях оборот *...alati ... üilusati* «(пришли) от высокой Вилусы» (= гом. формуле (F)ἰλιος αἰττεινί «высокий Илион») из сакральной формулы на лувийском языке в описании ритуала принесения жертвы богу *Šuwašuna* (KBo IV, II, 46)⁵⁹⁾ — делают маловероятным предложенное В. Георгиевым сближение названия Ἰλιον с хет. *çellu* «луг» из *çelnu,⁶⁰⁾ к тому же плохо согласующееся с корневым долгим *i-* в этом названии. Приводимое Георгиевым в подкрепление «луговой» этимологии гом.

Ἰλῆϊον πεδῖον «Илейская долина» (II. XX.558), схолии объясняют как название долины, прилегающей к Илову кургану. Потому предпочтительнее допускаемое тем же ученым — в порядке альтернативы — сопоставление с и.-е. *uilijo — «извилистый», см. лит. *vieloti* «вить, извиваться», русск. *вилять*, ср. также древне-европейские названия рек *Vilia*, *Vilua*,⁶¹ *Wilina*.⁶² Сюда же, возможно, греч. ἰλλω, εἰλλω «крутить, вращать» < *uilijo- / *ueiljo >, ἰλλός «косоглазый» < *uilios, вопреки [33] этимологам, видящим в последних случаях и.-е. *uel-* с близким значением.⁶³ Семантическое развитие от «извилистого» к «крутому, высокому» хорошо известно, ср. русск. *крутить*: *крутой*, изначально — «закрученный».⁶⁴

В контексте Трояды с этими местными названиями смыкается имя царя-эпонима Ила, представляющее как бы естественный переход к созвучным именам, распространенным в греческой и в малоазиатской частях Эгеиды (но не во Фракии). Для реконструкции ранней формы имен вроде фриг. *Ilus*, исавр. ἰλιω, ἰλλος, килик. Εἰλουω⁶⁵ их можно сопоставить, во-первых, с отраженным в хеттских текстах мужским именем *Wilja*,⁶⁶ а во-вторых, с такими образованиями в изобилующей западно-анатолийскими элементами этрусской ономастике, как *Vilia*, *Viliana*,⁶⁷ также *Vilu(s)*: см. этрусскую погребальную надпись некой женщины Лети Каи (CEI 4543), после имени которой в конце стоит [...] *ja Vilus*,⁶⁸ что может быть понято как [*pu*] *ja Vilus* «жена человека из рода Вилу». Сравнение этрусских имен с позднеанатолийскими для первых удостоверяет их восточное происхождение, а для вторых помогает восстановить древнее звучание с начальным *v-*.

Едва ли от этих имен в Анатолии следует отрывать близкие формы в табличках линейного письма В: KN As 1516, 18 *wi-ro* = *Wilos*, KN Du 5234 *wi-ro-jo* = *Wi-lo-jo*, род. падеж.⁶⁹ В «Одиссее» (I, 529) упоминается царь некой легендарной страны Эфиры по прозвищу Ил Мермерид, владелец страшного яда для стрел. «Говорящее» имя отца этого персонажа Μέρμερος, означающее «хитрый, искусный», но также «преступный, ужасный», вполне способно включать семантику основы *uilijo- «извилистый», развивающей в индоевропейских языках значение «хитрый, лживый», ср. лит. *vylius* «хитрость, обман», *vylius* «лживый», др.-англ. *wīle* то же, др.-исл. *vel* < *ueila «искусство».⁷⁰ Весьма любопытно, что в историческое время имена от этой основы были популярны у греков на колонизованном в VII в. до н.э. Фасосе: в надписях этого острова (IG XII. 8. 276-277) упоминаются некий «Аполлотор, сын Ила», а также «Илис (Ἰλις, вероятно, равное Ἰλιος), сын Деиалка». Знаменательно, что эти имена-раритеты прослеживаются на острове, лежавшем между двумя областями с «илейской» топонимикой: Северо-Западной Анатолией и фессало-македонским регионом.

Сейчас мы обратимся к соответствию, которое прямо ведет к проблеме отношений между ранними греками и Троей. Еще Кречмер отмечал, что основа на *-u* **uili(e)u-*, представленная в названии троянской Илейской Долины Ἰλῆϊον < *uileuio и считавшаяся им более древней по сравнению с тематической основой **uilo-* > Ἰλος, могла отразиться и в имени Оилея — мифического царя греческого народа локров, которое наряду с обычной формой Οἰλεύς имеет также вариант Ἰλεύς.⁷¹ Точно так же и патроним сына Оилея — Аякса Оилада выступает в виде Ἰλιάδης, т.е. «Илиад» у Пиндара (Ol. IX. 112), Гесихия и на одной амфоре из Британского музея.⁷² Этот же вариант передан как *Aivos Vilatas* по-этрусски в настенной росписи из «гробницы Франсуа» в Вульчи. Еще до Кречмера Э. Бете, сравнив все эти передачи, показал, что имя Оилея должно было иметь ранний дублет *Fílios, от которого только и [34] может быть образован патроним Илиад.⁷³ Эта дублетная форма оказывается разительно созвучной троянск. Ἰλιος как названию города, причем звуковая близость распространяется и на вторичные образования от обоих имен. Достаточно сравнить эпитет «Илиад» в смысле «сын Илиа» с эпиклезой илионской Афины на монетах этого города в его греческий период «Афина-Илиада» (Ἀθηνᾶ Ἰλιάς) или даже самим названием гомеровской «Илиады», т.е. «Илионской поэмы». Подобные повторяющиеся переклички подтолкнули Бете к глубокому историко-мифологическому разысканию, в результате чего он выдвинул гипотезу о первоначальном, забытом греками родстве имени центральногреческого героя Оилея-Илиа с названием троянского Илиона.

В центре внимания ученого⁷⁴ оказался один локрийский обычай, документированный для периода греческой Трои VIII. В это время локры, почитавшие как своих героев Оилея и Аякса Оилада, регулярно отправляли в Троию двух девушек, обязанных прислуживать в храме Афины-Илиады. Обряд введения локриянок в храм был проникнут намеками на человеческое жертвоприношение. Встречавшие прибывших

на берегу жители Илиона осыпали их камнями и, стараясь умертвить, преследовали до самого святилища. Если девушкам удавалось спастись и они оказывались под защитой богини, то должны были, босые и облаченные в один хитон, выполнять в храме грязную работу, не приближаясь к алтарю и выходя в город лишь с наступлением ночи. После смерти тела их сжигали и прах выбрасывали в море, а локры посылали им замену. Мотивировался этот обычай ссылками на эпизод из киклической поэмы Арктина «Разрушение Илиона», где Аякс Оиляд, совершив во время захвата города насилие над Кассандрой у статуи Афины-Илиады, за святотатство приговаривался ахейцами к смерти, но находил себе прибежище у алтаря той же богини (см. Lycophr. Alex. 1146 sq., со схолиями и комментарием Цеца к этому месту). По легенде за этот грех Аякс по пути из Трои домой погиб в море, а его соплеменников терзала эпидемия, пока они, по указанию из Дельф, не начали во искупление отправлять девушек в Илион. В середине IV в. до н.э. Эней Тактик (31.24) пишет об этих посольствах как о живом, современном ему обряде. Они прекратились после Фокейской войны 345 г. до н.э., когда, как считалось, истекло тысячелетие после разрушения Илиона — срок, положенный оракулом на отбывание локрами повинности (Ard. ep. 6.20). Но в середине III в. до н.э. после ряда знамений было объявлено, что срок оказался исчислен неверно и посольства возобновились на более мягких условиях: локрянки должны были пребывать в Илионе в течение года (Ael. de prov., fr. 87). Вероятно, с этим обычаем связана надпись из озольской Локриды, датируемая около 250 г. до н.э. и упоминающая о девушках, которых род Айантиев, «потомков Аякса», предоставлял локрам для отправки в некий храм на смену их предшественницам.⁷⁵⁾

Задумавшись над происхождением этих посольств, Бете⁷⁶⁾ решительно оспорил мнение Виламовица,⁷⁷⁾ считавшего их полностью инспирированными оракулом, который будто бы опирался на вымысел Арктина. Виламовиц следовал за Деметрием Скепсийским и Страбоном, которые, отвергая местные илионские предания о прибытии первых локриянок вскоре после Троянской войны, считали, будто посольства начались при владычестве персов, т.е. не раньше VI в. до н.э. (Strabo. VIII, 1, 40). Игнорировалось Виламовицем и сообщение Полибия об этом обычае применительно уже к VIII в. до н.э., времени выведения локрийских колоний в Италию (Pol., XII, 5), более раннему, чем начало Трои VIII. Для Виламовица поэма Арктина оказывалась тем пределом, глубже которого искать корни ритуала представлялось бессмысленным. Бете подошел к проблеме гораздо тоньше, указав на парадоксальность, противоречивость самого арктиновского эпизода, когда Аякс, оскорбитель Афины, спасался у ее [35] собственного алтаря. Согласно Бете, данная сцена должна была представлять вторичную этиологию уже непонятного грекам обычая, у истоков которого находилось пребывание племени Аякса Илиада под покровительством Афины Илиады, т.е. Илионянки, и ранние культовые связи этого народа с городом над Геллеспонтом — Аякс Илиад оказывался «илионским» Аяксом. Вопреки ученым, трактующим начальное *o-* в наиболее распространенном варианте имени Оилея как графическую передачу звука *W-* (греч. *F*),⁷⁸⁾ Бете, вслед за К. Бругманном, принимает праформу *o-wilos, видя здесь тот же префикс, что в словах *o-*πατήρ «имеющий того же отца», *o-*μορφός «подобный лицом» и т.д., в данном случае будто бы передающий связь локрийского героя с Илионом.⁷⁹⁾ Эта смелая догадка получила подтверждение после открытия в текстах линейного письма В формы (KN Dd 1218) *o-wi-ro* = *Owilos*,⁸⁰⁾ где *o-* не может отражать *w-*, но явно представляет префикс перед основой **wilo-*. В свете своей гипотезы Бете проанализировал фр. 116 Гесиода, в котором поэт, стремясь объяснить имя Ἰλεύς по созвучию с ἰλέως «приятный, любезный», сообщает, что этого героя зачал Аполлон, сойдясь с «приятной» (ἰλέων) нимфой в тот день, когда построили Посейдон и Аполлон стену хорошо сооруженного города. Название города опущено, но поскольку речь несомненно идет о совместной службе двух богов Лаомедонту, в основе рассказа обнаруживается несознаваемый или слишком уж глубоко скрытый устремившимся по другому следу Гесиодом миф о зачатии Оилея-Илия в Трое одновременно со строительством Илиона и о наречении героя в честь сооружаемого богом города.⁸¹⁾ Кстати, в «Илиаде» (XI, 95) *Оилей* упоминается в качестве троянского имени. Это родство имени локрийского царя с троянским топонимом для Бете стало ключевым моментом при реконструкции первоначального смысла посольств от локров в Илион. В том же направлении, но без столь глубокого анализа, шел В. Лиф, видя в этом обычае свидетельство троянско-локрийских связей, установившихся после Троянской войны.⁸²⁾

Однако эта концепция, тонко использовавшая игнорируемые Виламовицем языковые данные, имела одну слабую сторону: разделявший ее приверженцами взгляд на Илион как на локрийскую колонию, выведенную в конце II — начале I тыс. до н.э. Тем самым она вступала в противоречие с фактами, говорящими о существовании названия Илиона-Вилусы с первых веков археологической Трои

VI. Да и явная вторичность имени Оилея-Илия по отношению к троянскому топониму плохо увязывалась с переносом названия Илиона из Локриды, где оно вовсе не представлено. Правда, последователь Бете В. Олдфатер предполагал, будто все эти имена могли иррадиировать в разные стороны с фессало-македонской родины локров⁸³⁾ — идея, археологическим аналогом которой была бы концепция Блегена. Тем не менее предполагаемая Бете практика посылки священного посольства из метрополии в колонию, а не наоборот, по его собственному признанию, не имела прецедентов, и М. Нильсон на этом основании отвергал все построения немецкого ученого.⁸⁴⁾ Думается все же, что игнорировать эвристическую силу этой гипотезы, связавшей вместе факты языка и культуры, было бы по меньшей мере нецелесообразно. Достаточно указать на то, что с [36] точки зрения традиционной идеи об Аяксе Локрийском и Аяксе Саламинском как о двух разошедшихся вариантах одного исходного героического образа, понимание имени Аякса Оилиада как Аякса «Илионского» вполне отвечает преданию, которое саламинскому Аяксу дает в сводные братья постоянного спутника Тевкра, т.е. «Троянца», будто бы рожденного от похищенной Теламоном — отцом Аякса дочери Приама — Гесионы.

Слабости идеи Бете легко устранимы, если попытаться проецировать ее на гораздо большую временную глубину, на уровень не VIII, а XX в. до н.э., отнести предполагаемые ей процессы к преддверию не Трои VIII, а Трои VI, и за исходный регион, откуда распространялись имена данной серии, принять не Локриду, даже не Фессалию, а именно Трояду. Тогда почитание локрами Афины-Илиады легко может быть введено в контекст более общего представления греков об Илионе как о «могучем» и «священном» городе, отложившегося во фразеологии греческого эпоса: самый частый эпитет Илиона у Гомера (свыше 20 раз) это именно «священный» (ἱεῖος ἰρή) — определение города как полного необычной, сверхъестественной силы. Первопричиной локрийских посольств, как думал и Бете, впрямь следует считать мотив причастности героя Аякса Оилиада или Илиада к илионской святыне, позднее, после Троянской войны, трансформировавшийся в идею особой вины «илейского» народа перед разрушенным Илионом и его богиней.

Мы хотим здесь напомнить один темный пассаж греческих легенд, касающийся троянского этноса тевкров (Τευκροί). Этим именем в мифологической традиции вообще обозначалось: древнейшее население Трои; их эпоним — Тевкр (Τευκρος), сын Скамандра и идейской нимфы (St. B. s.v.), бывший первым царем Трои, в которую в его царствование пришел с Самофракии Дардан (St. B. s.v. Ἀρίσθη). Согласно тому же Стефану Византийскому, Троя «раньше» называлась Тевкрида (Τευκρίς, -ίδος) (St. B. s.v.v. Τευκροί, Τροία), как и один из городов и ландшафтов Дардании (St. B. s.v.). а город Ἀρίσθη был назван по имени дочери Тевкра (Et. M. 143.55), Упомянутый пассаж представлен у Геродота (VII, 20) в словах о неких тевкрах, которые «еще до Троянской войны, переправившись в Европу через Боспор, покорили всех фракийцев и дошли до Ионийского моря, а на юге достигли реки Пенея», разделявшей северную и южную Фессалию. То же предание всплывает и в «Александре» Ликофрона (стх. 1341 сл.), когда Кассандра вдруг вспоминает о каком-то своем предке, который, «опустошив долины Фракии, и землю зордов, и долину галадреев (племена на границе Македонии и Иллирии, ср. у Геродота «дошли до Ионийского моря»), вбил рубежи у вод Пенея». Данный мотив мог бы показаться просто поэтическим переложением Геродота, если бы не толкование схолиастов, которые под предком Кассандры, соединившим в одно царство Трояду и север Греции, без колебания понимают Ила. Геродот и Ликофрон явно воспользовались одной легендой о какой-то мощной волне завоевателей-мигрантов, протянувшейся в эпоху, предшествующую строительству Лаомедонтовой Трои (она же Троя VI) от Пропонтиды, через Эгейскую Фракию и Македонию до Ионийского моря. Эта мифическая миграция должна была включать те области, из которых в конце III — начале II тыс. до н.э. началось движение греческих племен на юг, заселение ими Греции (см. выше). Данная традиция в какой-то мере могла подкрепляться наличием на севере Греции городов, омонимичных троянскому Илиону. Трудно не видеть, насколько она близка подлинной этнокультурной картине конца Ранней бронзы, когда, по выводам Хаммонда, прагреки со стороны Фракии, пройдя Македонию, вступают на территорию современной Албании и, наконец, выходят к Ионийскому морю. При этом в легенде данное племенное передвижение изображается не как греческое, а как «тевкрое» и отправным его пунктом считается Троя, откуда «тевкров» ведет Ил. Допустимо предположить, что образ «священного Илиона» возник у греков еще до того, как они стали собственно греками, на прагреческой стадии, предшествующей македоно-фессалийской фазе их предыстории.

В литературе высказывалось мнение, что название Илиона может быть даже чисто [37] греческим,⁸⁵⁾ но с такой мыслью мы не можем безоговорочно солидаризироваться. Конечно, представленная в этом топониме индоевропейская основа **uil-* «извилистый», о чем говорилось, может быть выявлена и в греческом корнеслове, а череда родственных форм в топонимике Греции и в греческих личных именах (включая имя Оилея, прямо указывающее на связь с Илионом) как бы наводит на «греческий след», тянущийся со стороны Трои. Однако фракийское соответствие в области астов севернее Боспора и близкие образования в хетто-лувийской и этрусской ономастике, к тому же обнаруживающие глубокие структурные сходства с троянскими и греческими именами (см. выше), заставляют осмысливать распространение этих форм скорее в ареальном, чем в генетическом ключе. Не так важен язык, в котором они зародились, как район, откуда они распространяются. А район этот нужно искать там, где «илейская» тема гуще, плотнее всего представлена в местных названиях, имеющих более прямое отношение к этногенетическим и миграционным процессам, чем легко передающиеся от народа к народу личные имена. Такой «очаг» «илейских» образований для Эгеиды установить легко: это малоазиатский северо-запад от Пропонтиды до верховьев Меандра. Отсюда, по легенде, на Грецию пошли «тевкры», которые, начиная с Македонии, для нас оборачиваются прагреками или их частью. По-видимому, прав был Меллаарт, утверждавший в знаменитой и многократно упоминаемой выше статье 1958 г., что в Трое и близлежащих территориях в последней четверти III тыс. до н.э. были греки, пришедшие сюда по Юго-Восточным Балканам и далее через Геллеспонт непосредственно перед своим переселением в северную часть мест исторического обитания (юг Балканского полуострова). Разумеется, речь не может идти о всем этническом конгломерате (пра)греков, как предполагает Меллаарт, а о какой-то его части.⁸⁶⁾ Однако, почему тогда в мифоисторической традиции данный анклав в этническом ландшафте Трои маркируется в качестве тевокров? На этот далеко не риторический вопрос мы предполагаем попытаться ответить в следующей статье «Троя и "Пра-Аххиява"».

і — “i” над полумесяцем рожками вниз.

См. продолжение: [Троя и Пра-Аххиява](#).

---

¹⁾ Данная работа и непосредственно примыкающая к ней статья «Троя и "Пра-Аххиява"», подготовленная для публикации в ВДИ, представляют собой главу, не вошедшую по причинам превышения объема в книгу тех же авторов «Гомер и история Восточного Средиземноморья», выпускаемую издательской фирмой «Восточная литература» (М.; Наука).

²⁾ Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазиатские изоглассы). София, 1981 (с литературой); он же. Население гомеровской Трои. Историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии. М., 1993. С. 14-42; Гиндин, Цымбурский, Гомер... Гл. V.

³⁾ Гиндин. Население... С. 43-91 (с литературой); он же. Лувийцы в Трое (опыт лингвофилологического анализа) // ВЯ. 1990. № 1; Цымбурский В.Л. Троянская Ликия и проблема этногенеза ликийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. 1. М., 1984. С. 107-110; Гиндин, Цымбурский. Ук. соч. Гл. V.

⁴⁾ Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. 2. Aufl. Wien, 1976. S. 296, 300; Thesaurus linguae etruscae. I. Indice lessicale. Publ. da M. Pallotino. Roma, 1978. P. 241, 256.

⁵⁾ Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 119; Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. С. 189.

⁵⁾ *Hoekstra A.* The Sub-Epic Stage of the Formuiaic Tradition Studies in the Homeric Hymns to Apollo, to Aphrodite and to Demeter. Amsterdam, 1969; *Гордезиани Р.В.* Проблемы композиционной организации в раннегреческом эпосе // Алексею Федоровичу Посеву к 90-летию со дня рождения. Тбилиси, 1983.

⁶⁾ *Macurdy G.H.* The North-Greek Affiliations of Certain Groups of Troian Names // JHS. 1919. V. 39.

⁷⁾ *Page D.L.* History and the Homeric Iliad. Berkeley — Los Angeles, 1959. P. 91.

⁸⁾ *Biegen C.W.* Troy and the Trojans. N.Y., 1963. P. 142; *Page.* Op. cit. P. 86.

⁹⁾ *Mellaart J.* The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // AJA, 1958. V. 62. № 1. P. 15.

¹⁰⁾ *Bittel K.* Rez.: *Biegen C.W.* Troy. V. III: The Sixth Seulement // Gnomon. 1956. N 28; *Biegen.* Op. cit. P. 143; ср.: *Wiesner J.* Die Thraker. Stuttgart, 1963. S. 205, об ареале распространения трупосожжения, охватывающем подунайское пространство, Трою VI, хеттский регион и область Митанни.

¹¹⁾ *Герни О.* Хетты. М, 1987. С. 146 сл.; издание хеттских текстов ритуала см.: *Otten H.* Hethitische Totenrituale. В., 1958. S. 67 f.

¹²⁾ Об употреблении в этом же контексте термина ανήρ αριστος в значении, идентичном хеттскому LÚ SiG₅ в том числе и в контекстах, связанных с Аххивой, см.: *Цымбурский В.М.* Hetto-Homerica // Балканские чтения I. Симпозиум по структуре текста. М., 1990. С. 35 сл.; *Гиндин, Цымбурский.* Ук. соч. Гл. II.

¹³⁾ *Blegen.* Op. cit. P. 94, 102 f., 105 f., 109.

¹⁴⁾ *Bittel.* Op. cil. S. 247; *Page.* Op. cit. P. 84.

¹⁵⁾ *Blegen.* Op. cit. P. 111 f.; *Page.* Op. cit. P. 53 f.

¹⁶⁾ *Blegen.* Op. cit. P. 113; *Page.* Op. cit. P. 70.

¹⁷⁾ *Mellaart.* Op. cit. P. 16.

¹⁸⁾ *Haley J.B., Biegen C.W.* The Ciming of the Greeks // AJA. 1928. V. 32; *Nilsson M.P.* Homer and Mycenae. L., 1933.

¹⁹⁾ *Caskey J.K.* The Early Helladic Period in the Argolid // Hesperia. 1960. V.

²⁰⁾ *Тронский И.М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 36.

²¹⁾ *Blegen.* Op. cit. P. 145; *Page.* Op. cit. P. 56.

²²⁾ *Page.* Op. cit. P. 70.

²³⁾ *Blegen.* Op. cit. P. 141.

²⁴⁾ *Blegen.* Op. cit. P. 172.

²⁵⁾ *Goetze A.* Kleinasien. 2. Aufl. München, 1957. S. 82.

²⁶⁾ *Schachermeyr F.* Prähistorische Kulturen Griechenlands // RE. 1954 Hbd 44. S. 1468, 1493.

- ²⁷⁾ *Mellaart*. Op. cit.; *idem*. *Anatolia and the Balkans // Antiquity*. 1960. V. XXXIV. № 136. P. 276.
- ²⁸⁾ *Mellaart*. *The End of the Early Bronze Age...*
- ²⁹⁾ *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 1-2. Тбилиси, 1984.
- ³⁰⁾ *Palmer L.R.* *Mycenaeans and Minoans*. N. Y., 1962; ср. *Mellaart J.* *Anatolia c. 4000—2300 B.C. // CAH*. Ed. 3. V. I. Pt. 2. 1971. P. 406.
- ³¹⁾ *Mellaart J. Rez.:* *Crossland R.A.* *Immigrants from the North // JHS*. 1969. V. 89 P. 172 f.; *idem*. *Anatolia and the Indo-Europeans // JIES*. 1981. V. 9. № 1-2. P. 145.
- ³²⁾ *Гиндин Л.А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.
- ³³⁾ *French D.H.* *Prehistoric Sites in North-West Anatolia I. The Iznik Area // Anat. St.* V. 17. P. 62 f.; *idem*. *Migrations and «Mynan» Pottery in Western Anatolia and the Aegean // Bronze Age Migrations in the Aegean. Proceedings of the First International Colloquim on Aegean Prehistory*. Ed. by R.A. Crossland, A. Birchall. Duckworth, 1973.
- ³⁴⁾ *Blegen*. Op. cit. P. 140; *Mellaart*. *The End of the Early Bronze Age...* P. 17.
- ³⁵⁾ *French*. *Migrations and 'Mynan' Pottery...* P. 52.
- ³⁶⁾ *Howell R.J.* *The Origins of the Middle Helladic Culture // Bronze Age Migrations...*
- ³⁷⁾ *French*. Op. cit. P. 51.
- ³⁸⁾ См.: *Schachermeyr P.* *Mykene und das Hethiterreich*. Wien, 1986. S. 327; ср. *Гиндин*. Язык... С. 30 сл.; на это же в устной беседе указал авторам Н.Я. Мерперт.
- ³⁹⁾ Ср.: *Powell T.G.E.* *Migration in Explanation of Culture Change // Bronze Age Migrations...* P. 319.
- ⁴⁰⁾ *Mellaart*. *Anatolia and Indo-Europeans*. P. 149.
- ⁴¹⁾ *Blegen*. Op. cit. P. 37.
- ⁴²⁾ *Gimbutas M.* *The Destruction of Aegean and East Mediterranean Urban Civilisation Around 2300 B.C. // Bronze Age Migrations..; Marinatos Sp.* *The First «Myceneans» in Greece // Ibid.*
- ⁴³⁾ *Hammond N.G.L.* *A History of Macedonia*. V. I. Oxf., 1972. P. 272.
- ⁴⁴⁾ *Hammond* Op. cit. P. 248, 258 f., 263 f., 272 f.; *idem*. *Grave Circles in Albania and Macedonia // Bronze Age Migrations...* В последней своей книге (*Gimbutas M.* *Die Ethnogenese der europäischen Indogermanen*. Innsbruck, 1992, S. 9, 15 f., 26) М. Гимбутас, отказываясь от выделения «курганной волны IV», предлагает иное, значительно менее правдоподобное, объяснение этногенеза прагреков — будто бы они в первой половине III тыс. до н.э. переселились на Балканы из Средней Европы, где входили в единую диалектную общность с прагерманцами, прабалтами, праславянами и др. носителями культур шаровидных амфор и Бадена, явившимися в середине IV тыс. до н.э. в Европу с «курганной волной II». Не все археологи разделяют теорию вторжения «курганной волны» в Европу, но суть не в этом. Новая версия Гимбутас вообще уклоняется от рассмотрения тех перемен на Балканах в конце Ранней бронзы, которые ранее условно рассматривались как «курганная волна IV» и которые реальны независимо от этого наименования. Кроме того, причисление прагреков к «древнеевропейскому» континuumу индоевропейцев

опрокидывается лингвистически неоспоримым фактом существования греко-индо-иранской общности, заставляющим помещать прагреков конца IV — начала III тыс. до н.э. вовсе не в Средней Европе, но скорее на западе причерноморских степей, откуда и распространяется «курганная волна IV».

⁴⁵⁾ *Georgiev V.I. The Arrivai of the Greeks in Greece: the Linguistic Evidence // Bronze Age Migrations... P. 259.*

⁴⁶⁾ *Ibid. P. 248.*

⁴⁷⁾ *Ср.: Hoffman O. Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum. Göttingen, 1906. S. 119.*

⁴⁸⁾ *Heubeck Л. Weitere Bemerkungen zu den griechischen Personennamen auf den Linear B Tafeln // BNF. 1957. Jg. 8. S. 276, со ссылкой на устное сообщение М. Майрхофера; Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967. S. 119; Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972. С. 100.*

⁴⁹⁾ *Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896. S. 287 f.; Georgiev V.I. La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne. Sofia, 1961. P. 28; Гиндин Д.А. К вопросу о статусе языка древних македонцев // Античная балканистика. М., 1987. С. 22; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Отражение индоевропейских лабиовелярных в древнемакедонском // ВЯ. 1991. № 2.*

⁵⁰⁾ *Георгиев В.И. Траките и техният език. София, 1977. С. 167.*

⁵¹⁾ *Там же. С. 241.*

⁵²⁾ *Об идентификации данных топонимов см.: Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 158-165; он же Население... С. 28-30; Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. V.*

⁵³⁾ *Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 29 сл., 184.*

⁵⁴⁾ *Zgusia L. Kleinasiaüsche Ortsnamen. Heidelberg, 1984. S. 197.*

⁵⁵⁾ *Kretschmer P. Die Hypachäer // Glotta. 1933. Bd. 21. S. 257 f.*

⁵⁶⁾ *Zgusta. Op. cit. S. 198.*

⁵⁷⁾ *Usener H. Heilige Handlung, III. Ilions Fall // A. für O. 1909. Bd. VII; Oldfather W.A. Oileus // RE. Hbd. 34. 1957. S. 2183.*

⁵⁸⁾ *Edel E. Die Ortsnamenlisten aus dem Totentempel Amenophis III. Bonn, 1966. S. 37 ff.; Helck W. Die Beziehungen Ägyptens und Vorderasiens zur Ägäis bis ins 7 Jahrhundert v. Chr. Darmstadt, 1979. S. 31 f.; специально о чтении *Wi-li-ja* см.: Helck W. Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien in 3 und 2 Jahrtausend v. Chr. 2-te Aufl. Wiesbaden, 1971. S. 543. Предлагаемое Эделем сближение Вилии с троянским Илионом Хельк справедливо отвергает — как он сам признает, исключительно по географическим соображениям. Однако здесь как раз подходящий случай вспомнить о существовании «илионского» священного комплекса на Пелопоннесе.*

⁵⁹⁾ *См.: Гиндин. Лувийцы в Трое. С. 61 сл.; он же. Население ... С. 68 сл.; Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. VI, разд. VIII — все с опорой на работы: Watkins C. Questions linguistiques palaites et louvites cunéiformes // Hethitica. 1987. Fasc. VIII. P. 424 suiv.; idem. The Language of the Trojans // Troy and the Trojan War. Bryn Mawr, 1986. P. 58 ff.*

⁶⁰⁾ Georgiev V.I. Ethnischen Verhältnisse im alten Nordwestkleinasien // Linguistique balkanique. 1973. XVI. 2. S. 12.

⁶¹⁾ Holder A. Alt-celtischer Sprachschatz. Bd III. Graz, 1962. S. 317.

⁶²⁾ Krahe H. Fluss(und-)namen auf -mana/-mina // BNF. 1957. Jg. 8. S. 1.

⁶³⁾ Frisk HJ. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Heidelberg, 1960. S. 457; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. II. P., 1970. P. 319 s.

⁶⁴⁾ Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 12. М., 1981. С. 334.

⁶⁵⁾ Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964. S. 154, 157.

⁶⁶⁾ Laroche E. Les noms des Hittites. P., 1966. P. 207.

⁶⁷⁾ Rix H. Das etruskische Cognomen. Wiesbaden, 1963. S. 113, 124.

⁶⁸⁾ Lattes E. Correzioni, giunte, postile al Corpus Inscriptionum Etruscarum. I. Firenze, 1904. P. 275.

⁶⁹⁾ Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. 2-nd Ed. Cambr., 1973. P. 592; Chadwick J., Baumbach L. The Mycenaean Greek Vocabulary // Glotta. 1963. Bd 41, Ht 3/4. P. 295.

⁷⁰⁾ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Bern — München, 1959. S. 1121.

⁷¹⁾ Kretschmer P. Die Hypachäer // Glotta. 1933. Bd 21. S. 257; ср. Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 163 сл.

⁷²⁾ Bethe E. Homer. Dichtung und Sage. Bd 3. Die Sage vom troisch Kriege. B.-Lpz., 1927. S. 139.

⁷³⁾ Ibid. S. 138 f.

⁷⁴⁾ Ibid. 126 f.

⁷⁵⁾ Robert C. Die griechische Heldensage. Buch 3. Abt. 2. B., 1923. S. 1272.

⁷⁶⁾ Bethe. Op. cit. S. 127.

⁷⁷⁾ Wilamowitz-Moellendorf H. Die Ilias und Homer. B., 1916. S. 380 ff.

⁷⁸⁾ Schwyzer E. Griechische Grammatik. Bd I. München, 1939. S. 224; *Oldfather*. Op. cit. S. 2181; Гиндин. Ук. соч. С. 159.

⁷⁹⁾ Bethe. Op. cit. S. 142 со ссылкой на письмо Бругманна к автору. Префикс o-, видимо, представляет эолийский вариант к более обычному *ǵ- < *sm-, ср. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. I. P., 1968. P. 1; T III. P. 770, что поддерживает трактовку Бете (там же) имени Ὀϊλεύς как «Соилеец»; о фригийской патронимике *Oyliavos*, по которому восстанавливается форма *Oylias, сопоставимая, возможно, с греч. Ὀϊλεύς, см.: Баюн Л.С., Орел В.Э. Язык фригийских надписей как исторический источник. I // ВДИ. 1988, № 1. С. 195; также см.: Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Троя и «Пра-Аххиява» // ВДИ (в печати).

⁸⁰⁾ Ventris, Chadwick. Op. cit. P. 567.

⁸¹⁾ *Bethe*. Op. cit. S. 138. Нумерация фрагмента по изданию А. Рцаха.

⁸²⁾ *Leaf W. Troy. A Study in Homeric Geography*. L., 1912. P. 140.

⁸³⁾ *Oldfather*. Op. cit. S. 2185.

⁸⁴⁾ *Bethe*. Op. cit. S. 151; *Nilsson M.P. Homer and Mycenae*. L., 1933. P. 46.

⁸⁵⁾ *Oldfather*. Ibid.

⁸⁶⁾ *Гундин*. Население... С. 167 сл., 206 — карта; он же. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В.М. Иллич-Свитыча // ВЯ. 1992. № 6. С. 57 сл., с картой.

Гундин Л. А., Цымбурский В. Л. ТРОЯ И "ПРА-АХХИЯВА"

В конце предыдущей статьи мы, завершая цепь аргументов, обратили внимание на впечатляющую параллель между картиной распространения в конце III — начале II тыс. до н.э. по Балканскому полуострову прагреческих племен из числа народов так называемой "курганной волны IV" (в воссоздании этой картины мы, в основном, опирались на реконструкцию Н. Хаммонда) и сообщением Геродота (VII.20) о том, как в некие времена всю Фракию и Северную Грецию до ионийского моря и фессалийской реки Пеней заполнили племена "тевкров", т.е. выходцев из Трояды. Тогда же мы поставили вопрос: есть ли основание предполагать, что для позднейших греков I тыс. до н.э. их собственные предки, некогда двигавшиеся к историческим балканским местам обитания, могли в преданиях представлять под именем "тевкров" - и как в таком случае можно было бы объяснить подобный казус исторической памяти? На этот вопрос мы намерены ответить в нынешней статье.

I

В I тыс. до н.э. Трояда была частью греческого мира, примыкавшей к полосе тянувшихся на юг до Герма эолийских колоний. Эолийцы считались самыми ранними греческими колонистами в Анатолии, приведенными сюда через 60-70 лет после Троянской войны правнуками Агамемнона (Strabo XIII. 1, 3). Происхождение имени Αἰολεῖς темно: попытки его сблизить с αἰόλοι "быстрые"¹ - не более чем народная этимология. Следы называвшегося так народа обнаруживаются в Греции, на юго-востоке Фессалии (St. V., см. Ἄρνη); диалекты последней входят в одну группу с диалектами Эолиды. По Геродоту (VII. 176), фессалийские эолийцы соседствовали и воевали с фокейцами. Эолидой называлась также часть Этолии между Калидоном и Плевроном, куда часть эолийцев, видимо, проникла в конце II тыс. до н.э., во время великих переселений (Thuc. III. 102; Strabo X.3, 4). Проще всего было бы думать, что название фессалийского племени, принявшего в конце II — начале I тыс. участие в колонизации, в конечном счете было распространено на всю группу греков, занявших земли к северу от Герма и ближайшие острова.

Но итальянский лингвист О. Карруба предложил иное, весьма интересное объяснение этого темного этнонима²: скептически относясь к отождествлению Аххиявы с микенскими ахейцами и исходя из факта соседства владений "человека из Аххии" Аттариссия с Лидией-Арцавой, он предположил отражение негреческого названия малоазийского государства Аххиявы³ в позднейшем имени эолийцев. О. Карруба [14] указывает на то, что в лидийском в ряде случаев исчезает хетто-лувийский ларингал: ср. лид. āntēt "он распорядился" при хет-лув. ḫandai- "приводить в порядок", лид. afaṛis "документ о продаже" при хет. ḫarraiḫa- "продавать", глосса Гесихия λῆϊλας "тиран по-лидийски" при хет. laḫḫijala-"герой-воин". Поэтому, за этнонимом Αἰολεῖς < *Αἰϝοι- как наименованием народа, соседствующего с лидийцами, он предположил местную, анатолийскую форму вроде Aia(wa)lis с лидийским суффиксом притяжательных прилагательных

-ali. В основе этой формы могло бы лежать название страны *Aiawa, восходящее к более древнему Aḫḫijawa. Тогда Aiawalis исконно означало бы "живущие на земле Айявы = Аххиявы". В этом случае оказалось бы, согласно Каррубе, что Аххиява находилась не в Греции, а в Малой Азии и охватывала область, в какой-то степени совпадающую с позднейшей Эолидой⁴.

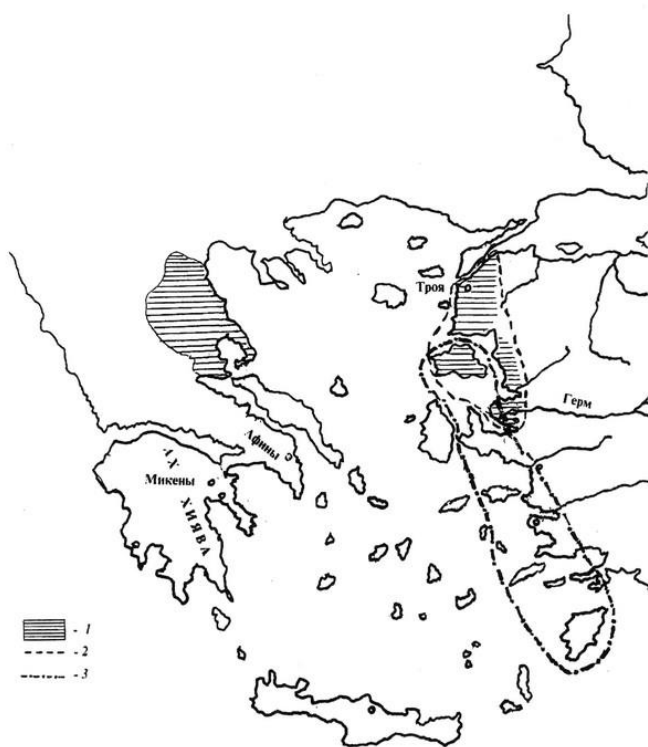
В подкрепление мысли о некоей связи между Аххиявой и Эолидой можно было бы сослаться на одно место в "Письме о Тавакалавасе", расцененное Э. Форрером в качестве упоминания об эолийцах. Это кол. I, ст. 11 и сл., где, рассказав о том, как Тавакалавас пренебрег посланным ему навстречу военачальником, хеттский царь затем риторически восклицает: (11)... LÚTARTENU (12) Ú.UL A.NA LUGAL a-ja-ḫa-la-aš ŠU-an-ma-an ḫa[r-ta], в понимании Форрера: "(11) ... Полководец (12) не держит руку мою (т.е. не представляет меня должным образом) для царя aḫwalaš⁵". В этом случае aḫwalaš необходимо оказывается определением при слове "царь", а именно, названием народа или страны, к правителям которой себя причисляет Тавакалавас. Э. Форрер фонетически безупречно соотнес данный этнический либо географический термин с именем эолийцев⁶. И даже Ф. Зоммер не смог противопоставить этому толкованию каких-либо серьезных аргументов. Более того, он вполне поддержал мысль Форрера о том, что в хеттской клинописи некоторые этнические обозначения могли выступать безо всяких предварительных детерминативов. На примере много раз встречающегося выражения ḫurlaš KUR-e "страна хурритов" при более редком KUR [URU] ḫurlašša он убедительно показал, что это может быть связано с таким употреблением этнонима, когда народ не определяется через страну, где он проживает, не выступает как "люди страны такой-то", а носит постоянное собственное имя⁷. Если такое рассуждение правдоподобно, то в aḫwalaš следовало бы видеть хеттскую форму родительного падежа на -aš, не различающую единственного и множественного числа⁸, а LUGAL aḫwalaš переводить как "царь айвалов" или идя за Форрером, "царь эолийцев", но ни в коем случае не "царь Эолиды". Правда, Зоммер попытался предложить свое, [15] альтернативное истолкование этого места в качестве полемического противопоставления двух утверждений: "Полководец не является для царя aḫwalaš-ом? Он мою руку держит (т.е. представляет меня)!", где aḫwalaš обозначало бы тот официальный статус, в котором Тавакалавас отказывает присланному к нему военачальнику. Впрочем, сам Зоммер признавал сомнительность этого объяснения при отсутствии других упоминаний aḫwalaš как должности, функции или титула в хеттских текстах. По своей структуре с двойным суффиксом -ḫa-la это слово не может быть причислено к хетто-лувийским именам деятелей, оформляемым суффиксами -tala или -ala⁹, а синтаксически интерпретация Форрера выглядит более связной и естественной.

Итак, предположенная Каррубой под звездочкой гипотетическая форма *Ai(a)wala/is как диалектное анатолийское название для людей, живущих на земле Аххиявы, точно в таком виде обнаруживается в хеттском тексте при титуловании брата царя Аххиявы. Похоже, что она, в самом деле, относится к народу, а не к стране, ибо Тавакалавас, явно не располагавший собственным царством (поскольку он пытался получить себе вассальное владение от хеттского царя), тем не менее считал себя "царем над Aiawala", видимо, в том же смысле, в каком в гомеровской Трое не только Приам, но и его сыновья собирательно именовались "царями троянцев", Τρώων βασιλεῖς (II. XX. 84). Однако, хотя догадки Каррубы подтверждаются, ставится ли этим под сомнение тождество Аххиявы XV—XIII вв. до н.э. с Микенской Грецией и всем регионом, на который распространялось ее влияние? Думается, весь материал, рассмотренный нами до сих пор, совершенно не позволяет отказаться от данного отождествления. Кроме того, если считать, что греки взяли себе имя эолийцев, только поселившись в конце II или начале I тыс. до н.э. на малоазийской земле рядом с лидийцами, то мы не сможем объяснить присутствия племени эолийцев в Фессалии и Этолии. Значит, нам придется пересмотреть взгляды на происхождение имени ахейцев и эолийцев и на соотношение этих этнонимов с анатолийским названием Аххиявы.

С мыслью, будто бы греки могли называть свою страну Ἀχαΐδα, словом, соответствующим хеттскому топониму Aḫḫijawa¹⁰, дело обстоит не так просто, как это кажется на первый взгляд. В греческом мире данная основа всегда изначально представляет название народа, а не топоним. Лишь вторично при помощи различных суффиксов от этого этнонима образуются географические названия. Таково гом. Ἀχαΐς (II.III, 75) как определение для всей Ахейской Греции, а также топонимы Ἀχαΐη, Ἀχαΐα, в стяженной форме Ἀχαΐα, раскиданные по периферии владений микенских греков: на Родосе, Эвбее, Крите (см. в кноссском тексте линейного письма В KN C 914 a-ka-wi-ja-de = Akhaiwija-de "в Ахайвию"). Все

эти топонимы означают "ахейские поселения" или "ахейская земля". Этнокон здесь так же первичен, как в наименовании порта на Кипре "Берег ахейцев" (Αχαιῶν ακτή), связывавшемся с приходом изгнанного с Саламина ахейца Тевкра, или в обозначении Ахеи на северо-западе Пелопоннеса, ставшей одним из прибежищ микенских греков в пору крушения их столиц. Подобные осколки Микенской Греции не проливают никакого света на внутреннюю структуру термина "ахейцы".

Особое место среди созвучных названий занимает топоним "Ахайя" или "Ахейская Фтиотида" как наименование юго-западной части Фессалии (Herod. VII. 196; Strabo XI.2.12). В этих местах топоним явно независим от микенского влияния. Напротив, в соответствии с общей картиной движения греческих племен с севера на юг следует думать, что в Фессалии поселения ахейцев древнее, чем на Пелопоннесе. Не случайно только здесь сохранился в I тыс. до н.э. такой реликт ахейской речи, как родительный падеж на -οιο (во Фтиотиде часто в варианте -οι), утвердившийся в микенском койне, а также, в качестве одного из вариантов, в языке эпоса¹¹. Следы племенных имен [16] ахейцев и эолийцев обнаруживаются в Греции на очень близких территориях Южной Фессалии, как бы в подтверждение принадлежности их носителей к одной раннегреческой общности. Напомним, что до дешифровки линейного письма В многие ученые считали ахейцев — создателей микенской культуры как раз эолийцами¹², а эолийские диалекты часто относились к "ахейской" ветви¹³. После дешифровки этой письменности в микенском койне — канцелярском языке Ахейской Греции обнаружены многочисленные эолийские черты, наряду с иными, объясняемыми ионийским или, скорее, аркадо-кипрским вкладом¹⁴. Все эти факты говорят об исторической неразрывности имен эолийцев и ахейцев, по-видимому, первоначально двух племенных групп в составе той волны, по Н. Хаммонду, праэолийской, которая на переходе от Ранней к Средней бронзе двинулась из Западной Македонии через Фессалию и Среднюю Грецию на Пелопоннес.

Карта-схема. 1 — Эолийские диалекты, 2 — Пра-Аххиява, 3 — малоазиатская зона владений Аххиявы.

И все равно, термин "ахейцы" остается загадкой. Бросается в глаза его нехарактерность в структурном плане для греческого ономастикона. Хотя в греческом языке известен ряд прилагательных с тем же суффиксом -υο-, который, вероятно, представлен и в Ἀχαιῶν¹⁵, но в этнических именах он практически не встречается. Немногие включающие этот суффикс топонимы, вроде Λυκῶς < *Lukuwa, на проверку часто оказываются субстратными или адстратными хетто-лувийскими вкраплениями на Балканах¹⁶. Более того, сам этот суффикс в имени ахейцев вычленяется лишь по общим соображениям, ибо на греческой почве данный этноним неделим и непрозрачен. Все же попытки объяснить его, выходя за пределы греческого языка, сугубо гипотетичны: будь то

сопоставление с названием германского племени *Ingaevones*¹⁷ или же в качестве иранского заимствования либо исконно родственной формы с авест. *haxau-* "друг, спутник"¹⁸. Тем больше трудностей заключает в себе объяснение формы *Aḥhija* в тексте о Маддуваттасе (XV в. до н.э.) как передачи этого фактически нечленимого греческого этнонима с исходом на -υο-.

Напротив, для Анатолии соотношение форм *Aḥhijā*: *Aḥhijawā*/*Aḥhijuwa* представляет совершенно закономерную ономастическую модель, документированную многими примерами: ср. *Naššu* — название горы в области Киццуватна, но *Naššuwa* — обозначение прилегающей страны, точно так же *lšhaga* — гора,

но Iṣharuwa — город, кроме того, топонимические дублиеты Ankulla: Ankulluwa, Hiṣarla : Hiṣarluwa, Zalpa : Zalpuwa¹⁹. Сторонники теории "малоазийской Аххиявы" с полным правом могут утверждать, что словообразовательные отношения между вариантами этого названия типичны для малоазийской, а не для греческой топономастики. Но ведь точно также не укладывается в нормальные греческие модели и имя ахейцев. [17]

Мы считаем, что все эти факты лучше всего могут быть объяснены, если предположить, что формы *Aḥḥijā* и *Aḥḥijawa/Aḥḥijuwa* до прихода греков изначально представляли название области, находившейся на северо-западе Анатолии. Если установить ее границы в малоазийских координатах, то это по вертикали пространство от южных пределов Трояды до долины Меандра, а по горизонтали в глубь Анатолии на восток примерно до Бейджесултана (см. карту). В нашей реконструкции эта область совпадает с зоной распространения "инегельской" серой керамики, о которой пишет Д. Френч, т.е. это исторические Мисия и Золида.

В связи с этим чрезвычайно важным для нашего построения предположением может показаться, будто в данном месте мы противоречим тому, что сами писали несколько лет назад²⁰, тогда отрицая правомерность отождествления Аххиявы с какой-либо областью Малой Азии, а здесь, казалось бы, утверждая прямо [18] противоположное. Но напомним, что в указанной статье речь шла о событиях XIII вв. до н.э. Думается, сейчас можно считать уже доказанным, что для этого времени Аххиява — это Ахейская Греция и ее западно-анатолийские колонии²¹. Здесь же мы занимаемся совсем иным временем, гораздо более ранним — концом III тыс. до н.э. Нас интересует одно: где ахейцы, позднее пришедшие в Грецию, могли получить свое наименование. И для этого времени (конец Ранней бронзы) мы не видим ничего невероятного в допущении, что некая часть прагреков, вторгшаяся в Северо-Западную Анатолию под 2300 г. до н.э. или позднее и продвинувшаяся к югу от Трои в сторону Герма и Меандра, могла заселить здесь местность, носящую анатолийское название *Aḥḥijawā*, и принять это название в качестве наименования своего этноса. (Тут прямой параллелью может быть усвоение индоевропейскими племенами также в Анатолии этнонима *Hatti* от доиндоевропейского населения страны, носившей данное название.) Поэтому обсуждать формальную возможность соответствия $\text{Ἀχαιῶι} = Aḥḥijawā$ следует, не отталкиваясь от передачи анатолийцами греческого этнонима, но скорее исходя из возможной адаптации греками малоазийского местного названия. В этом случае метатеза, давшая Ἀχαιῶι вместо $*Akhjawoi$, может объясняться стремлением греков избежать обязательного в исторический период в такой позиции развития i в полугласный j и последующей палатализации $\chi > \sigma$ (как $\tau\alpha\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$ "возбуждать" при $\tau\alpha\rho\chi\acute{\eta}$ "волнение"), ибо такие изменения должны были до неузнаваемости деформировать поддерживаемое анатолийским соответствием традиционное имя племени. Можно думать, что в лидийских диалектах типа того, где *lahḥijalaš* давало $\lambda\acute{\alpha}\lambda\alpha\varsigma$, для обозначения жителей страны *Aḥḥijawā* издревле существовала форма $*Aiawales < *Aḥḥijawales$. Это имя и получили из уст части пралидийцев утвердившиеся в Аххияве в конце III тыс. до н.э. прагреки. Более того, какая-то их, вероятно, самая южная группа, пребывавшая в тесных контактах с пралидийцами, переняла как раз у последних это имя и стала употреблять его как самоназвание. Так на земле "Пра-Аххиявы" оформились две близкородственные племенные группы прагреков, называемые в исторический период соответственно "ахейцами" и "эолийцами". Когда через некоторое время, может быть, как полагает Меллаарт, под давлением соседних народов наметился отход части малоазийских прагреков на юг Балканского полуострова, где они влились в поток двигавшихся со стороны Подунавья в Грецию носителей курганной культуры IV (предположительно "нашествие тевкров" по Геродоту, "поход Ила" по Ликофрону), с собой они взяли оба варианта — имена как ахейцев, так и эолийцев, пронеся их в Фессалию и дальше на юг.

Спрашивается, соответствует ли предполагаемому выпадению на некоторое время праэолийцев из массива прагреческих этносов какая-то лингвистическая реальность? Место эолийской группы среди других раннегреческих диалектов, как известно, вызывает у специалистов серьезные споры. С одной стороны, в эолийских диалектах Фессалии и Беотии глагол имеет окончание 3-го лица ед. числа -τι (φῶτι - "он говорит"), подобно дорийским формам, тогда как в ионийских и аркадо-кипрских диалектах, в микенском койне и, вероятно, под ионийским влиянием в эолийском лесбосском обнаруживается окончание -σι (φῶσι, мик. *pa-si* и т.д.). По данному и некоторым другим признакам ряд ученых постулирует для Греции во II тыс. до н.э. единую "северную" диалектную общность, будто бы лишь со временем

разделившуюся на дорийскую и эолийскую ветвь²². Но этой гипотезе противоречит наличие в дорийском целого ряда древних индоевропейских образований, не имеющих в эолийском аналогов: в глаголе 1-е лицо мн. числа на *-μες*, будущее время с суффиксом [19] **-sejo-*, типа *δωσέω*, ср. лит. *duósiu*. Еще важнее то, что эолийский располагает одной фундаментальной чертой, отделяющей его от всех других греческих диалектов: в нем лабиовелярные перед *e*, *i* отражаются обычно в виде губных (φῆρ "зверь" < **g^hher-*, πέμπτε "пять" < **penk^he*), тогда как в ионийских и дорийских в этой позиции находим зубные (θηρ, τέντε), разившиеся из смягченных заднеязычных или аффрикат. Последние до середины I тыс. до н.э. сохранялись в аркадских надписях, а в кипрском могли давать не зубной, а спирант: *si-se* "кто" < **k^his*²³. По этому признаку И.М. Тронский предположил исключительно раннее отделение празолийского от всех других прагреческих диалектов и сохранение в нем сочетаний типа *k^he* в ту пору, когда прочие диалекты уже их преобразовали в *k'e* или *če*. Это означало бы, что микенское койне, где имеются особые знаки *qe*, *qi*, хотя и разделило с ионийскими и аркадо-кипрским глагольное окончание *-sí*, но в трактовке лабиовелярных следовало эолийской фонетике²⁴. Нами недавно было установлено, что примеры на развитие лабиовелярных в зубные есть и в древнемакедонском (ср. цитированное *τελεσίας* < **k^helesia* "круговой танец" и т.д.). Следовательно, выделение празолийского необходимо предполагать еще для времени тесной близости прагреков и прамакедонцев, т.е. для последних веков III тыс. до н.э.²⁵

Итак, получается следующая картина. Приблизительно около 2300 г. до н.э. прагреки, прамакедонцы, прафригийцы движутся со стороны Подунавья из западных областей Северного Причерноморья в Северо-Западную Грецию и на юг Дардании в числе народов "курганной волны IV". Какая-то часть прагреков, достигнув Пропонтиды, отклоняется от общего пути, переходит проливы и, пользуясь временным ослаблением Трои в периоды Трои III–IV, пытается освоить данный регион. Диалект этой группы (празолийцы) не разделяет смягчения лабиовелярных перед узкими гласными, происходящего в прагреческих и прамакедонских диалектах по другую сторону проливов. В то время как празолийцы задерживаются в Малой Азии, прааркадо-киприоты, напротив, вырываются вперед и проникают на рубеже раннебронзового периода III на самый юг Греции, обособившись от оставшихся на севере праионийцев и прадорийцев. Таким образом, в празолийском перед *e*, *i* сохраняются лабиовелярные, в прааркадо-кипрском — аффрикаты как следующий этап развития, а в праионийском и прадорийском процесс доходит до конца: возникают зубные смычные. В дальнейшем празолийцы, отступившие из Анатолии на Балканы и вторгнувшиеся в Македонию и Фессалию, оказываются в тесной региональной близости с осевшими в Эпире прадорийцами. Тогда праионийцы, согласно Хаммонду, уже достигают Ионийского моря и по его водам перебираются на Пелопоннес и в Аттику, вступая в контакт с прааркадо-киприотами. Поэтому эолийцы в Фессалии вместе с дорийцами и не воспринимают происшедшего в южной группе развития глагольного окончания *-τι* > *-σι*, хотя немного позже утвердившиеся на Пелопоннесе эолийцы-ахейцы столь же легко переняли этот последний вариант окончания в свой письменный язык, как в I тыс. до н.э. эолийцы Лесбоса.

Наша мысль об изначальной, доисторической Аххияве на северо-западе Анатолии близка к концепции Ф. Хоунка тен Кате²⁶. Но с этим ученым мы расходимся в двух пунктах. Во-первых, Ф. Хоунк тен Кате трактует малоазийских "аххиявцев" просто как отколовшуюся ветвь уже выступивших под этим именем греков-ахейцев. Мы же допускаем анатолийское происхождение самого имени Ἀχαιοί как продолжения анатол. *Aḫḫijawā*, и эта "Пра-Аххиява" к югу от Трояды нам представляется областью, где греки впервые стали называть себя ахейцами, откуда они перенесли [20] это имя в Грецию. (Таким образом, мы принимаем для этой части прагреков модель Меллаарта, тогда как Хоунк ближе к Блегену.) Во-вторых, вопреки Каррубе и Хоунку, мы не видим никакой возможности для существования в XV в. до н.э. и позднее независимого государства Аххиявы на территориях, которые тогда должны были быть разделены между странами Арцавы, особенно страной реки Сеха и лежащей к северу от них Вилусой.

Однако принятие этимологии Каррубы для этнонима эолийцев (см. выше), на наш взгляд и вопреки этому ученому, вовсе не противоречит давним попыткам А. Фика, с которым полемизирует Карруба, сблизить *Αιολεῖς* с топонимом Αἶα в Фессалии, приводимым Стефаном Византийским (s.v.) со ссылкой на место из неизвестной трагедии Софокла, где упоминается *τις Αἶα Θεσσαλῶν παγκληρία* "некая Аяа, достояние всех фессалийцев". Подобный контекст позволяет видеть в термине "Аяа" своего рода дублетное обозначение Фессалии — исконного ареала ахейских и эолийских племен в греческой метрополии. Правомерно предположить, что эта топонимическая форма этимологически тождественна

темному по происхождению апеллативу αἶα "земля, страна". Основа этой апеллативной и топонимической лексемы реконструируется в виде **Aiwa-*, как показывает микенское отражение ряда древних ее производных, например, Αἶας, -υτος "Аякс" = мик. KN C 973 *a₃-wa* - кличка быка, Αἰήτης "Ээт" = мик. KN Vc 7612 *a₃wa-ta*, ср. KN As 1516 *a₃-wa-to*; Αἰαίη "Ээя" = мик. PY En 74, Eo 16 *a₃-wa-ja*²⁷. Вполне правдоподобно, что *Aiwa как термин для "страны, земли", более узко для региона Фессалии или для этой области в целом может восходить к анат. *Ahhijawa* — наименованию ахейской и эолийской прародины до переселения соответствующих племен в Фессалию из Западной Анатолии. Соотношение форм *Ahhijawa* : *Aiwa- вполне тождественно случаю с хет. *lahhijalas* : лид. λαῖλας.

Не исключено, что самое знаменитое из мифологических имен, отразивших эту основу, - Αἶας, -υτος, в этрусской передаче *Aivas* (< **Aiwant-*), собственно "человек из Аийи" (ср. титулование Аякса в II. III. 226 Ἀχαιῶς ἄνθρ, приложимое кроме него в "Илиаде" только к Агамемнону²⁸) возникло еще в добалканский, малоазиатский период ранней истории праахейцев и праэолийцев. На то может указывать контекст, которым греческая мифология окружает образы обоих Аяксов. Если Аякс Теламонид имеет в качестве сводного брата и соратника Тевкра, т.е. "Троянца" по самому имени, то отец Аякса Оилида, согласно фр. 116 Гесиода, был зачат в один день с началом строительства Илиона, и имя его, собственно, значит "Со-Илеец". Можно думать, что в объединении Аяксов то с Тевкром, то с Оилеем — как братьев или как отца с сыном — преломилось древнее вхождение Илиона в один ареал расселения прагреков в Северо-Западной Анатолии с областью Аххиявы-Айвы, от которой образовано мифо-героическое имя Аякса. Здесь могут проступать фрагменты добалканских родовых сказаний части прагреков.

Кроме того, мы располагаем еще одним свидетельством традиции в пользу того, что эолийская колонизация конца II тыс. до н.э. охватила те самые земли, где намного раньше существовала "Пра-Аххиява", она же "Пра-Эолида". В "Илиаде" (XXIV. 544) Лесбос фигурирует как Μάκαρος ἔδος "обиталище Макара" или Макарея — "Блаженного", героя, который считался сыном Эола, родоначальника всех эолийских племен (Hom. hymn. I.37). По одной мифо-легендарной версии, Макара явился на Лесбос с Родоса (Diod. V.56). По второй же, он пришел сюда из пелопонесской Ахайи, сразу после Девкалионова потопа, когда греки еще не освоили Киклад, и сыновья Макара колонизовали первыми Хиос, Самос, Кос, Родос (Diod. V.81). Так, традиция прямо говорит, что родовое имя эолийцев должно было бытовать в будущих эолийских краях задолго до колонизации конца II тыс. до н.э. Но интересно и другое. Традиция о приходе Макара с Родоса явно выводит его из региона, входившего в XVI—XIII [21] вв. до н.э. в малоазиатскую сферу преимущественного доминирования исторической Аххиявы, Ахейской Греции. И если Родос и не совпадает с Аххиявой, то во всяком случае он был одним из центров, откуда по Анатолии распространялось ахейское влияние. Другая же версия выводит Макара из далекой области на северозападной окраине Пелопоннеса лишь потому, что та звалась *Ахайей*. В обоих случаях миф представляет "сына Эола" пришельцем на Лесбос из *Ахайи* или *Аххиявы*, хотя под этим названием понимались, в зависимости от исторических обстоятельств, разные места. Изложенное позволяет допустить, что изначально предание о прародителе Макаре и его первичной Эолиде подразумевало под "Ахайей" или "Аххиявой" край, отделенный от Лесбоса лишь узкой полосой моря, где на рубеже III—II тыс. до н.э. прагреки могли впервые обрести имена "ахейцев" и "эолийцев".

Тем не менее, мы думаем, что связь между пелопонесскими ахейцами-эолийцами и областью "Пра-Аххиявы" не исчезала до конца и в те столетия, которыми отделяется отход праэолийцев в Грецию от начала исторической микенской колонизации в Анатолии. Эта связь поддерживалась ранними торговыми отношениями с Троей, труднообъяснимыми, если не предполагать тесного знакомства греков с этим городом в среднеэлладские времена, когда области Анатолии к югу от Гебра, сфера их позднейшей колонизации, для них были в основном "землей неведомой". Следует иметь в виду и вероятность переселения в Ахейскую Грецию уроженцев "Пра-Аххиявы", поглощенной соседними династиями — вспомним рассказ об изгнании Пелопса Илом, возможно отражающий поглощение Илионом-Вилусой части земель "Пра-Аххиявы". Не исключено, что специфический стиль жизни микенской эпохи, характеризующийся широким кругозором, налаженными связями с Анатолией, Критом, Египтом и Ближним Востоком, мог быть в значительной мере создан не тем контингентом эолийцев, которые пришли из Македонии, а "свежими" представителями малоазиатских *айавала*, подобных Пелопидам. Всеми этими факторами подготавливалось начинающееся с XV в. до н.э. прямое вторжение ахейских правителей в

Западную Анатолию, где они в обоснование своих прав на здешние территории могли с гордостью выставлять себя малоазийскими уроженцами: "асиями", "людьми страны Аххия", "царями над народом айавала". Вступая на эту землю, ахейские вожди вроде Атрисия-Атрея с его двумя именами-эквивалентами — греческим и анатолийским — могли сознательно назвать себя древним малоазийским именем Аххии-Аххиявы.

Нам представляется достаточно логичным предположение о неразрывной связи освоения эолийской области "потомками Агамемнона" с памятью о Троянском походе, прочертившем для греков направление этой последующей не то экспансии, не то бегства. С другой стороны, насколько сама идея Троянской войны могла быть навеяна памятью о родовых корнях потомков Атрея в областях, прилегающих к Троаде! Если бы попытаться в ускоренном темпе обозреть полуторатысячелетнюю историю этого региона, скажем, с XXIII до VIII в. до н.э., то не исключено, что расцветающие под конец этого промежутка эолийские колонии своей конфигурацией могут замечательно напомнить раскинувшиеся здесь некогда владения эолийских предков — ахейцев и айавалов. В преданиях об эолийской колонизации внимательного читателя не может не поразить один момент: путь, по которому, как предполагалось, прошли будущие колонисты. По Страбону (XIII. 1.3), на этот путь понадобилась жизнь трех поколений, ибо они по суше, двигаясь с Пелопоннеса на север через всю Грецию, достигли побережья Фракии, чтобы уже оттуда, через остров Кизик в Пропонтиде переправиться в Троаду, а уже из нее — на Лесбос. Спрашивается, что это за странная, отнявшая 60 с лишним лет дорога, тогда как до Троады и Лесбоса можно было доплыть из Греции за считанные дни, как и поступали воинства Геракла и Агамемнона? Случайно или нет, но традиция приписала ахейцам-изгнанникам, по нашей гипотезе восстановившим греческую Эолиду, маршрут, едва не точно повторяющий в обратном порядке тот, которым — через Фессалию, Эгейскую Фракию и проливы — почти тысячелетием раньше могли прийти их предки. [22]

II

Переходя к вопросу о том, почему приход прагреков на север Греции предстал в легенде в странной форме "нашествия тевкров", имеет смысл сперва разобрать один пример, показывающий, на какой стадии этноязыкового становления могли находиться прагреческие племена к тому времени, когда они должны были достичь Троады и соседних с ней областей Фракии. Сохраненное эпосом древнейшее название греков *данайцы* (Δαναοί) на самом деле имеет прямые параллели в индоиранском мире. П. Кречмер убедительно отождествил данный этноним по форме с авест. *Dānava*, наименованием какого-то приречного кочевого племени, вед. *Danava*, названием группы демонов. Все эти индоиранские образования связаны с авест. *dānu* "река", осет. *don* то же, др.-инд. *dānu* "капля, роса, жидкость". Та же самая основа отражена в иранских по происхождению названиях крупных рек юга России — Дона, Днепра, Днестра²⁹. В "Авесте" гидронимом *Дану* обозначена Сырдарья, а именем *данавов* — сырдарьинские скифы, которых можно видеть и в демонизированных данавах "Ригведы"³⁰. К иранским формам присоединяются кельтские: *Danuvius* как название Дуная, фракийского Истра, откуда через посредство гот. *Doñawi* происходит слав. *Dunajъ*³¹; кимр. *Donwy*, а также речное название *Don* в ряде мест Англии < *Danuija*³².

Ирано-кельтское соответствие может быть истолковано двояко. Кречмер (в указанной статье) считал значение основы *danu*- "река" чисто иранским. Отмечая, что такая лексема в кельтских языках не засвидетельствована, он полагал данный гидроним заимствованным кельтами у иранцев в Подунавье, откуда, по его мысли, шло расселение кельтов по Европе. В этом случае название Дуная могло бы рассматриваться в качестве крайне западного предела распространения раннеиранской гидронимики в Причерноморье, прочие же европейские гидронимы отражали бы перенос кельтами этого названия на все новые реки, встречавшиеся на их пути. Другие авторы считают **danu*- древней общеиндоевропейской основой³³. Нельзя не видеть, что охватываемое гидронимами с элементом **Danu*- пространство от Дона до Дуная четко совпадает с регионом, где, по мнению большинства исследователей, должны были обитать носители праиндоевропейских диалектов до начала своего движения на восток — в Среднюю Азию (ср. *Danu* как вероятное название Сырдарьи) и на запад, в Центральную и Западную Европу (см. отражения основы *Danuia* в кельтских областях). Любопытно, что в дако-мисийском, т.е. крайне северном районе Фракии, непосредственно прилегающем к Дунаю, зафиксированы местные названия с элементом -

δαυος, -δαυα. Особенно прозрачно Δαυε-δεβαι³⁴), которое легко толкуется как **Danu-dhēuā* "поселение на (реке) Дану" или просто "поселение на реке". Это свидетельство очень важно, так как вместе с кельт. *Danuvius* мисийские названия подтверждают архаичный характер реликтов основы *Danu-* в Подунавье.

В любом случае индоиранское происхождение греч. *ΔαυαFoί* несомненно из-за полного формального тождества этого этнонима наименованиям приречных народов в индоиранских языках, с типичным для последних и невозможным в греческом аблаутом *dānu-* : *Dānava*. Напрашивается мысль об участии в движении прагреческих племен в [23] конце III тыс. до н.э. одного этноса или целой их группы, усвоивших индоиранское название. Скорее всего оно объясняется, как и в случае с сырдарьинскими скифами, проживанием называемого так народа на какой-то из рек, в обозначении которых представлена основа **Danu*, на стыке прагреческого и праиндоиранского ареалов (такой рекой не обязательно должен быть Дон, как это иногда предполагается³⁵). Это название определенно указывает на приход прагреков со стороны причерноморских степей, из региона "между Доном и Дунаем" в числе народов "курганной волны IV". В свете этих выводов оказывается отчасти разрешима и загадка таинственных *дануна* на юге Малой Азии. М. Гимбутас пишет о волне разрушений, прослеживаемых в конце ранней бронзы в прибрежных районах Сирии и Палестины, о появлении вблизи Иерихона и в Баб-эль-Дра курганных захоронений. По ее мнению, какая-то часть представителей "курганной волны IV" могла сюда проникнуть из Эгеиды, двигаясь вдоль южного побережья Малой Азии³⁶). Поэтому в *дануна* можно видеть некое изначально индоевропейское племя, происходящее из того же причерноморского ареала, что и греки-данаицы и одновременно с ними проникшее в Эгейский бассейн. Ничего более конкретного о носителях этого имени, осевших в будущей Киликии, сказать невозможно.

К югу от Дуная гидронимическая основа **Danu-* наглядно обнаруживается в трех очень знаменательных примерах, представляющих варианты одного и того же композита: это название реки Ἀπί-δαυος вариант Ἠπί-δαυος в Фессалии (Herod. VII. 129. 196; Strabo VIII. 3.32; IX. 5.6), точно такой же гидроним в Троеде и вариант Ἀπί-δών на Пелопоннесе (St. B. см. Ἀπία). О троянском Апидане известно лишь, что он впадал в "западное", т.е., вероятно, Эгейское море. Фессалийский же Апидан брал исток в Ахейской Фтиотиде и тек к северу на слияние с Пенеом, соединяя места, которых, по легенде, достигло нашествие "троянских тевкров", с теми, где раньше всего в Греции появляется реальное имя ахейцев. Для этого композита восстанавливается праформа **Ara-danu-*, в которой оба элемента значат "вода, река, течение"³⁷). Независимое возникновение такого оригинального образования в Трое, Фессалии и Аркадии маловероятно. При интерпретации его генезиса следует иметь в виду три обстоятельства. Во-первых, сближение лексем *ap(a)* и *danu* в различных вариантах хорошо прослеживается в ведийских текстах. Например, в Ригведе (V. 31.6) *apō...dānucitrāḥ* "воды... блещущие жидкостью" (вин. падеж); (V. 68.5) *rītyāpeṣās pātī dānumatyāḥ* (о Митре и Варуне) "владыки мощи проточных вод (*rītyāpa-*), струящих жидкость" (*dānumatyāḥ*); или (1.51.4): *tvām apām apidhānvriṇor apādhārayaḥ pārvate dānumad vāsu* "ты вод темницы отворил, ты на горе овладел богатством, блещущим жидкостью"; здесь "богатство, блещущее жидкостью" (*dānumad vāsu*) — явно перифрастическое наименование для "воды" (*āpaḥ*). Таким образом, прослеживаемое от Трои до Аркадии образование **Ara-danu* (букв. "ток вод") представляет исключительное цельноформульное соответствие к словосочетаниям, зафиксированным в индоарийских текстах (вспомним об индоиранских аналогах к троянскому и македонскому имени "Кассандр, -а"). Во-вторых, производное от названия аркадского Апидана общее наименование пелопоннесских греков, особенно аркадян Ἀπίδωνες или Ἀπίδωνῆες (Strabo VIII.6.9, St. B. ibid.), где элемент -δωνῆες < **danāces* явно представляет след древней основы на *-u-* - фактически синонимично и родственно форме *ΔαυαFoί*, самоназванию, принесенному прагреками из Причерноморья. В-третьих, распространение в Эгеиде продолжений этого композита находится в четкой корреляции с появлением топонимов от основы **Ujlu-/Ujijo-*. В обоих случаях мы видим параллельные изоглоссы, соединяющие Трояду с Фессалией и Пелопоннесом. [24]

Мы считаем, что появление в Фессалии гидронима "Апидан", а в Аркадии — "Апидон" связано с проникновением на Балканский полуостров тех же этносов, которые именовали себя "данаицами", имея в прошлом эпоху тесных контактов с праиндоиранцами "между Доном и Дунаем". Название же Апидана в Троеде и определенная увязка между этим гидронимом и "илейской" топонимикой в Греции, соединение в один пучок на Фессалийской земле названий Ахайи, Илиона и Апидана, примыкание этой территории к

региону, охваченному, по Геродоту, "нашествием тевкров" - все заставляет отождествлять эти мифоисторические племена с теми же прагреческими этносами (праахейцами, праэолийцами), которые по пути в Грецию прошли через Троаду. Из Причерноморья они несли с собой имя "данайцев". После пребывания на северо-западе Анатолии, в память о стране Аххия-Аххиява, они стали "ахейцами". Обжив Аргос в долине Пенея, впервые обрели прозвище "аргивян" (в дальнейшем они унесли на Пелопоннес название Аргоса — на юге появился Ахейский Аргос в отличие от северного, Пеласгического). Три имени для греко-ахейского воинства в "Илиаде" отразили три этапа этногенеза греков: причерноморский, троянско-пропонтийский и фессало-македонский; из них лишь последний запечатлелся в традиции народа. Так мы подходим к осмыслению термина "тевкры" в геродотовском рассказе: тефкры легенды реально, как нам представляется, — это прагреческие племена, еще недавно оторвавшиеся от греко-индоиранской общности, этносы, еще не ставшие историческими греками.

III

Смысл легенды о "нашествии тевкров" прояснится еще более, если мы учтем, что после утраты прямых контактов с праиндоиранцами прагреки двигались в сторону Греции, судя по лингвистическим данным, не одни, но в окружении других народов, чьи диалекты должны были обнаруживать тесную близость к прагреческим. Отношение потомков этих племен к Трое даст нам ценный материал для уяснения тех связей, которые установились между этой племенной языковой общностью, вероятно, во второй половине III тыс. до н.э. протянувшейся по берегам Эгейской Фракии³⁸⁾, и древним уже к тому времени городом над Геллеспонтом. Первыми среди этих сородичей прагреков, конечно, были прамакедонцы³⁹⁾ (о специфических троянско-македонских изоглоссах мы уже писали в предыдущей статье). Вторым близкородственным прагрекам народом, вместе с ними пришедшим на эгейские берега, были прафригийцы, откуда и проистекает необходимость коснуться в этой статье проблемы фригийцев Троады.

Бытовавший в прошлом термин "фрако-фригийские диалекты", предполагавший какую-то особую лингвистическую близость между фракийцами и фригийцами⁴⁰⁾, в свете достижений современной фракологии, а также исследований последних десятилетий по фригийским надписям⁴¹⁾, особенно после безупречного издания старофригийских памятников⁴²⁾, выглядит явным анахронизмом. Между этими языками не видно никаких особых точек соприкосновения⁴³⁾. Термин "фрако-фригийские племена", "фрако-фригийская миграция" сейчас позволительно применять только для характеристики племенного состава той миграционной волны, которая в XII в. до н.э. обрушилась на [25] Анатолию с запада и, сокрушив Хеттское царство, докатилась до Евфрата. Ассирийцы ее обозначали как "мушки", собственно, "мисийцы"⁴⁴⁾. В этом смысле "фрако-фригийцы" звучит примерно так же, как "татаро-монголы".

Правильные координаты фригийского в системе индоевропейских диалектов задает донесенная Геродотом (VII. 73) македонская традиция о фригийцах, долгое время известных под именем бригов (Βρίγες), соседствовавших с македонцами и лишь позднее переселившихся в Малую Азию. (Из соотношения Βρίγες : Βρίγες видно, что в начале слова был придыхательный, произносившийся македонцами как звонкий, а греками как глухой.) Сюда же присоединяются свидетельства Платона (Crat. 410 A) о многочисленных словах во фригийском, сходных с греческими.

Но известно также сообщение Геродота (VII.73) об армянах как переселенцах из страны фригийцев и Евдокса Книдского (St.B., s.v. Ἀρμενία), будто армяне в своем языке имеют "много фригийского" (πολλά φρυγίζουσιν). Античная традиция позволяет определить фригийцев-бригов в качестве этноса лишь в ареальном смысле "фракийского", т.е. продвинувшегося в Анатолию со стороны Фракии (Strabo VII. 3. 2; ср. ниже о пеонах), участвовавшего в набегах северных народов в XIII—XII вв. до н.э. на греко-ахейские области (вспомним эпизод "Телегонии" о вторжении бригов в Этолию). И в то же время эта традиция фиксирует его изначальное соседство с македонцами и наличие греко-фригийских и армяно-фригийских языковых сходжений (разумеется, при этом не различая таких понятий, как элементы исконно родственные и заимствованные).

Надо сказать, что в этом, как и во многих других случаях, традиция в целом ориентирует нас правильно. Исследования по старофригийским надписям VIII—VII вв. до н.э. и позднефригийским надписям II—III вв. н.э. выявляют много общего, прежде всего, между фригийским и греческим⁴⁵ в лексике, словообразовании и морфологии (во фригийской фонетике еще имеются неясные черты, в частности, по-разному объясняются случаи палатализации, затрудняющие однозначную оценку фригийского в качестве "кентумного" либо "сатемного" языка⁴⁶). Лучшие списки греко-фригийских параллелей даны в указанных работах О. Хааса и Г. Нойманна.

Общими чертами, объединяющими греческий, армянский и фригийский с индоиранскими языками являются: 1) наличие аугмента в прошедшем времени, который в индоиранских, греческом и во фригийском вставляется в сложных глаголах с приставкой между этой приставкой и корнем (см. фригийские формы *en-e-parkes*, ποσ-ε-κανς); 2) вводная относительно-местоименная конструкция **ios-k^{ue}* "кто бы ни, каждый (, кто)", состоящая из местоимения *ios и частицы *-k^{ue}*, ср. др.-инд. *yas-ca*, греч. ὅσ-τε, мик. *o-qe*, арм. *o-k'*⁴⁷, фриг. *ios-ke*. Фригийское сочетание *ios-ni* "именно тот, кто" имеет точную формальную параллель лишь в греческом: арк. ὄνι, фесс. ὄνε⁴⁸. Но здесь эти формы перешли в разряд указательно-выделительных местоимений со значением "именно этот"⁴⁹.

В морфологии важное греко-фригийское сходжение представляет тип медиальных перфектных причастий с редупликацией, суффиксом *-menos* и, возможно, нулевой огласовкой корня: как отмечает Нойманн, фриг. τε-тик-μενος "заклейменный" структурно идентично греч. τε-φυγ-μένος "беглый"⁵⁰. В сфере словообразования наглядна аналогия патронимических греческих и фригийских форм на *-eios*, ср. греч. [26] Ταντάλειος "сын Тантала" и фриг. *Voinéios* "сын Война", *Agipeia* "дочь Агиппа" (имя, заимствованное из греческого)⁵¹. Греческий тип имен мужского рода с суффиксом *-tas* вроде κυνηγέτης "охотник" оказывается общей греко-фригийской инновацией, ибо на основе имен типа Αροτόος или титула *proitavos* для фригийского восстанавливаются лексемы вроде **aro-ta-(s)* "пахарь" (= греч. ἄροτης то же) или **pro-i-ta-(s)* "идуший впереди, предводитель"⁵², вариант последнего титула представлен в греч. Πρόιτος, имени мифического царя Тиринфа.

Учитывая небольшой объем фригийских текстов, впечатляющим оказывается список греко-фригийских лексических соответствий: греч. αὐτός "сам": фриг. *autos* "свой, собственный"; греч. κακός "злой": фриг. κακόν, κακούв "зло" — семантическая модификация индоевропейской основы со значением "кал, экскременты"; греч. χλωρός "желтый": фриг. γλουρός "золото" (Hes.); греч. μωρός "глупый": фриг. μουρον — слово с негативным оттенком; греч. γυνή, γυναικός "женщина": фриг. кваико, кваикан то же, арм. *кпау-к'* "женщины"⁵³. Фригийские причастия, встречающиеся в формулах проклятия, блестяще интерпретированы Хаасом на основе греческих соответствий: фриг. γεγαριτμενος "клейменный", ср. греч. χαράσσω "выцарапывать, клеймить" < **ghrt-*; фриг. γεγριμενα "предначертанное, предписанное": греч. χρίω "окрашивать, натирать, накалывать" < **ghreis-*; фриг. тетикμενος "клейменный" < *(s)*te-(s)tigmenos* : греч. στίζω "клеймить"⁵⁴. Некоторые фригийские лексемы с прямыми параллелями в греческом восстанавливаются по данным этно- и топонимике: так, в основе этника Στοβιρνός лежит топоним *Στοβρος = греч. σταβρός "жилище, стоянка, хлев и т.п."⁵⁵. В одном случае Нойманн отмечает во фригийском черту, отсутствующую в греческом, но представленную в древнемакедонском: префикс *ad-*, вычленимый во фригийских глаголах αδбакет < *ad-dhā-k-e-t "причинит", αββερετ < *ad-bher-e-t "принесет", фиксируется в древнемакедонском ἄδβαи "дышла" < *ad-dhā, букв. "приделанные"⁵⁶. Тем самым складывается картина тесных прагреко-македоно-фригийских связей, в некоторых случаях, вероятно охватывающих праармянский: ср. арм. *et'ē* - союз с исходным значением "мол, дескать", фриг. *ετι-* с тем же значением, греч. *ἔτι* "даже, еще"⁵⁷.

Особую проблему представляют новофригийские глагольные формы типа αββερεтор "если бы нанес". Иногда они трактуются как чисто сослагательные образования и конечное *-r* сближается с греч. *ρα* — частицей, выражающей предположительность либо ирреальность⁵⁸. Другие же авторы расценивают их вместе с арм. *beriw* < *beretor "он носил" как родственные хеттским, итало-кельтским и тохарским медио-пассивным формам на *-r*⁵⁹. Тогда по этой изоглоссе армянские и какая-то часть поздних фригийских диалектов, отличаясь от греческого, смыкались бы с хетто-лувийскими языками. Но эта оговорка, к тому же, видимо, касающаяся позднейшей инновации⁶⁰, не мешает видеть во фригийском

генетически самый близкий греческому индоевропейский язык, наряду с древнемакедонским. Точнее, речь может идти, по нашему мнению, о диалектах одного и того же языка, существовавшего в протогреческий период⁶¹. Это утверждение близко идее Вл. Георгиева о том, что греческий, [27] македонский и фригийский — потомки общего праязыка⁶². В то же время О. Хаас допускал в составе фригийских племенных образований какие-то греческие этносы, чей язык повлиял на диалекты их соседей — собственно фригийцев. Достаточно приемлема точка зрения Г. Нойманна, который предполагает для фригийского статус сестринского языка по отношению греческому⁶³.

Вопрос о роли Троады в истории фригийцев связан с историей так называемой Малой Фригии в Пропонтиде. О. Хаас справедливо писал об исторической неоднозначности термина "Фригия"⁶⁴. Геродот (I.72; V.49; VII.26 и др.) понимает под Фригией огромное пространство между территорией Лидии и рекой Галис, на котором позднее, в начале нашей эры встречаются позднефригийские надписи. Фригийское же царство, возникшее в VIII в. до н.э. со столицей в Гордионе, охватывало лишь восточную часть этого пространства. Поскольку типично фригийская расписная керамика в Гордионе датируется временем не раньше конца IX в. до н.э., некоторые авторы связывают появление здесь фригийцев с этим относительно поздним временем⁶⁵. Правда, К. Биттель колеблется, не считать ли "фригийскими" и четыре более ранних слоя Гордиона, с их монохромной керамикой, где наблюдается постепенное эволюционное вытеснение и изживание более ранних "хеттских" элементов. Со своей стороны, И.М. Дьяконов высказывает предположение, что фригийцы могли не участвовать в потрясениях XII в. до н.э., а разрушение Хеттского царства и утверждение в восточной части Малой Азии так называемой "старофригийской" культуры X—IX вв. приписывает скорее протоармянам. За фригийцами же остается собственно "фригийская" культура, распространяющаяся по Центральной Анатолии в середине VIII в. до н.э. Впрочем, ссылаясь на мнение М. Меллинк о близости этой "фригийской" керамики к культурам малоазийского запада и в том числе Трои VII62⁶⁶, И.М. Дьяконов вслед за В. Дресслером готов допустить обитание фригийцев где-то в Малой Азии еще до прихода в Гордион⁶⁷. Обширность территорий, охватывавшихся понятием "Фригия" при Геродоте и позднее, на которых, судя по позднефригийским надписям, был в употреблении фригийский язык, а также неудача попытки Хааса доказать отличие языка этих надписей от языка текстов Фригийского царства VIII—VII вв. до н.э. (в лучшем случае допустимо говорить о диалектных нюансах) заставляют, как это и делает Н. Хаммонд⁶⁸, считаться с возможностью не одного, а целого ряда передвижений с Балкан в Малую Азию и в пределах последней с участием различных родственных ранним грекам групп фригийцев.

С этой точки зрения употребление понятия "Фригия" в "Илиаде" дает картину весьма многозначительную. Разумеется, у Гомера отсутствуют упоминания о фригийском Гордионе и Фригийском царстве, которые возникли в VIII в. до н.э., буквально на глазах одного-двух поколений исторических греков. Однако устойчивое сочетание "Фригия и Меония", "города Фригии и Меонии" (II. III. 401; XVIII. 291) говорит о том, что у слушателей Гомера уже существовало представление о Фригии как о земле, неопределенно протянувшейся в глубь Малой Азии к востоку от Меонии (будущей Лидии). В этом смысле Геродот отличается от Гомера только тем, что располагает четкую восточную границу Фригии на Галисе. Однако Гомер в "Илиаде" отделяет от этой "Большой" Фригии территорию, которую он зовет "Северной" или "Верхней" [28] Фригией (Φρυγίη καθ' ἄνωρον). Так, Ахилл говорит, что некогда Приам был блажен и славился над всеми "сколько... Лесбос вмещает и Северная Фригия и Геллеспонт" (XXIV. 543 сл.). Это та самая Фригия, центром которой (II. 863) назван город Аскания у юго-восточной оконечности Пропонтиды (вблизи реки Сангарий). Там же, "во Фригии у вод Сангария", обитает Асий, брат Гекубы (XVI. 719). С жителями именно этой Северной Фригии объединяется Приам в попытке отразить амазонок на Сангарии (III. 184 и сл.). При этом один из фригийских вождей зовется Μυῦδών (III. 186), выступая эпонимом пропонтийского племени мигдонов, одноименных мигдонам на Халкидике. Хотя имя мигдонов, как впрочем и македонцев, по происхождению является фракийским⁶⁹, но наделение именем Мигдон фригийского правителя может указывать на переселение этой группы фригийцев с крайнего запада Фракии, из мест, сопредельных с Македонией, Пеонией и Северной Грецией. В частности, Халкидская Мигдония соседствовала с Ойсимой, откуда происходила супруга Приама Кастианейра, с именем, вписывающимся в македоно-троянскую изоглоссу. Тем знаменательнее, что поэт выводит Гекубу, "главную" жену Приама из припонтийских фригийцев, имеющих корни в той же околوماкедонской области.

Итак, Гомер часто понимает под Фригией, без уточнений, область в близком соседстве с Илионом, называвшуюся позднее "Малой Фригией" (Φρυγία μικρά, *Phrygia minor*), также "Фригией у Геллеспонта"⁷⁰.

"Большая" Фригия с "хорошо населенными" городами рядом с Меонией для времен, предшествующих Троянской войне и освещенных хеттскими архивами, исторически нереальна: упоминание о ней отражает картину, возникшую после походов мушков, хотя, видимо, более раннюю, чем Фригийское царство с центром в Гордионе. Именно к возникновению "Большой" Фригии относится рассказ лидийского историка Ксанфа о фригийцах, пришедших из Европы после Троянской войны (Strabo XIV. 5.29), связанный, вопреки Нойманну⁷¹, скорее с далеким прошлым. "Малая" же, пропонтийская Фригия выглядит ранним фригийским анклавом в Анатолии у границ Вилусы, или даже в ее владениях, вероятно, возникшим еще до великого переселения.

В этой связи очень любопытно наличие в официальных надписях северо-восточных фригийцев VIII—VII вв. до н.э. микенской царской титулатуры, отражающее давние контакты их предков с ахейцами: такова надпись на памятнике Мидасу *midai lavagtaei vanakte*⁷², соединяющая греческие титулы *Fάναξ* (мик. *wa-na-ka*) "владыка" и *λαφαγέτας* (мик. *ra-wa-ke-ta*) "предводитель народа", или наименование царя вифинского города Модры *modrovanak*, по структуре идентичное греческому (эолийскому) имени *Λεσβῶναξ* < *Lesbo-wanakt — "Владыка Лесбоса"⁷³.

Нет ничего невероятного в идее О. Хааса, что эти создатели фригийской государственности могли прийти со стороны Мраморного моря. В их числе наряду с группами фригийцев, вытесненных с Балкан в IX в. до н.э. возросшим иллирийским давлением⁷⁴, могли находиться и давние соседи Трои — жители Малой Фригии с их греко-микенскими и западноанатолийскими связями.

Мы склоняемся к мысли, что уже во II тыс. до н.э. фригийско-македонские этносы, достигшие с народами "курганной волны IV" северной окраины Греции (области к западу от Стримона, Халкидика, восток Македонии), устанавливая связи с Илионом, а затем начинают поселяться в его окрестностях, под покровительством вилусских царей. Отсюда рассказы о женитьбе Приама на Кастианейре из Ойсимы и на Гекубе из Малой Фригии. В самой Троеде находим фригийские топонимы. Так, название троянского [29] города *θύμβρα*, основанного, по преданию, Дарданом в честь его друга Тимбра (*θύμβρος*, St.B.), места, где, согласно "Илиаде" (II. X. 430), располагались лагерем союзные троянцам анатолийские рати, родственно фригийскому гидрониму *Τέμβρη*, топониму *Τέμβριον*⁷⁵. Название поселения *Ἀδρήστεια* вблизи Перкоты, образованное от имени героя Адреста или Адраста — или "фригизм" или очень ранний "грецизм". Данное имя представлено в Греции, где его носит один из участников похода Семерых против Фив, и во Фригии в качестве имени сына легендарного Гордия, эпонима Гордиона (Herod. I. 84 sq.), также в лид. *Atrasta*⁷⁶, видимо, передающем греко-фригийский антропоним.

Небезынтересно, что в некоторых поздних источниках (Hrdn. I, II. 2; Paus. II. 22.3) сам троянский Ил называется "фригийцем" (*ὁ Φρύξ*). Правда, эти примеры относятся к тому времени, когда имя "фригийцев" уже распространялось на троянцев, а под Малой Фригией могли просто понимать Троаду (Ptol. V.2.4). Однако эти сообщения перекликаются с реальным наличием в ономастике Фригии таких форм как *Ilus* и особенно, *Oylias. Последнее восстанавливается попатрониму *Oyliavos* в одной надписи IV в. до н.э. и может быть сопоставлено с именем греческого Оилея⁷⁷ — "Со-Илейца", по мифу — рожденного при строительстве стен Илиона⁷⁸.

Кроме прафригийцев была еще одна племенная группа, которая должна была сопутствовать прагрекам в миграции "курганной волны IV": мы говорим о праармянах. Фригийский имеет схождения и с греческим, и с армянским, но и между собой эти языки тесно связаны. Г. Зольта, анализируя индоевропейскую лексику в армянском, установил, что из примерно 450 слов свыше 80 (около 19%) оказываются общими для армянского и греческого, а из них 27 представлены только в этих языках. По числу исключительных схождений армянского с другими языками греческий стоит на первом месте, а индоиранские — на втором⁷⁹. Правда, армянский характеризуют и связи иного рода, в частности, соответствия в германском: согласно Г. Зольте, обнаружено семь исключительных армяно-германских изоглоссов. Но тут же этот автор указывает, что по морфологии праармянский был весьма близок к прагреческому, а с германскими особого сходства не имел. На меньшем числе примеров к выводу о тесном соседстве прагреков и праармян пришел и В. Порциг⁸⁰. Можно полагать, что в начале III тыс. до н.э., когда в Северном Причерноморье существовала греко-индоиранская диалектная общность, к ней

примыкали весьма близкие к прагреческим праармянские и прафригийские диалекты. Однако они должны были располагаться на ее периферии: этим объясняется наличие в данных языках медио-пассивных форм на *-r*, а также армяно-германские переключки в лексике.

Обилие в армянском слов, объединяющих его с греческим, при сравнительной немногочисленности языковых параллелей в индоиранских языках, делает весьма правдоподобной ту мысль, что во второй половине III тыс. до н.э. прагреки и праармяне, уже обособившись от праиндоиранцев, продолжали контактировать между собой⁸¹. Но мы видели, что до проникновения в Грецию прагреки должны были пройти через Южную Фракию, и часть могла оказаться в Анатолии по соседству с Троей и даже продвинуться от нее на юг. Напрашивается мысль, что и праармяне скорее всего находились где-то неподалеку. [30]

С учетом всех этих обстоятельств читателю вряд ли покажется априорно невероятной гипотеза, недавно высказанная одним из авторов статьи о том, что среди народов, изображаемых Гомером в качестве балканских союзников Трои, имеется один, который может быть соотнесен с праармянами, а именно пеоны⁸². Добавим к тому, что изложено в указанных работах, трактовку двух свидетельств Геродота. Одно (Herod. V.13) сообщает удивительное пеонское предание о происхождении этого народа, поведенное представителями пеонов Ксерксу: на вопрос царя об их происхождении они отвечали, "будто являются выходцами из тевкров, тех, что из Трои". Это причисление своего этноса, обитавшего на берегах Стримона и Аксия, к тевкрам должно быть соотнесено с единственным известным упоминанием о тевкрах на Балканах — с рассказом того же Геродота (VII.20) об их нашествии, охватившем всю Пропонтиду, Эгейскую Фракию и север Греции — от Боспора до вод Пенея (поход Ила, по Ликофрону). Не отождествляли ли себя пеоны, пришедшие к берегам Стримона с запада, с осколком "тевкийского" массива племен ("курганная волна IV"), некогда двинувшегося на Фракию с северо-востока Боспора? Второе сообщение Геродота содержит сведения о попытках пеонов в более поздние времена продвинуться на восток Фракии, к Геллеспону и даже к самому Боспору Фракийскому. Это сообщение о войнах их в Пропонтиде и о захвате ими, в соответствии с неким оракулом, г. Перинта западнее Боспора (Herod. V.1). Имя народа отразилось в названии города Παίων на Фракийском Херсонесе, нависающем с севера над Троадой (Scyl. 67). Учитывая, что на Балканах пеоны прямо соседствовали с македонцами и с бригами, т.е. ранними фригийцами, напрашивается мысль, что во II и начале I тыс. до н.э. они могли, как и фригийцы-мигдоны из Халкидики, попытаться освоить пропонтийские районы, ближайшие к Трое. До известной степени путь этим народам проложила первая группа народов "курганной волны IV", прорвавшаяся на северо-запад Анатолии в конце III тыс. до н.э., — прагреки, подхватившие здесь название Аххиявы.

Кроме того, в связи с известным толкованием хеттского наименования страны Хайаса на востоке Анатолии с XIV в. до н.э. как "страны народа *Hay-k'*, т.е. ранних армян" (а мы объясняем данный этноним из основы **rai-*, представленной в таких балканских племенных именах, как Παίωνες, Παίτοι, Παίόπλαι, в силу армянского перехода *p-* в придыхание), следует указать на созвучие названия хайасского города *Aripša* на Черном море и топонима *Ἀρίσβα* в Троаде и на Лесбосе, гидронима *Ἄρισβος* во Фракии⁸³. Данная переключка не позволяет исключить возможности прибытия родоначальников хайасцев к предгорьям Кавказа с запада по южному черноморскому побережью, путем, ведущим из Пропонтиды. Кстати, и реконструируемое для Троады и соседней области Фракии на основании названия Арисбы слово для "лошади" **issya* как самобытный по форме рефлекс и.-е. **ek'yo-*⁸⁴, среди родственных индоевропейских терминов наиболее напоминает особенностями фонетического облика арм. *eš*(= *eiš*) "осел", род.п. *išu* или *išo*. Если предполагать соответствующую форму в хайасском, то название соседней с Хайсой-Ацци страны *Iššuwa* могло бы трактоваться как точный морфологический и семантический аналог к западноанатолийскому *Aššuwa* "конная страна" от лув. иер. *a'suwa* - "лошадь"⁸⁵. [31]

IV

Мы вновь убеждаемся в исторической уникальности Трои в качестве узлового пункта истории различных индоевропейских народов, постепенно со второй половины IV до середины II тыс. до н.э. осваивавших обе стороны Эгейды и острова этого бассейна. Но здесь же заключается и отличие

гомеровского эпоса от эпических сказаний многих народов. Ронсевальское ущелье, Косово поле, берега Каялы фактически случайно обрели свое место в народной памяти. Их предшествующая история не предопределяла тех драматических событий, из-за которых их названия вошли в эпос. Это просто места, где свершаются великие дела, можно сказать, места, оказавшиеся "свидетелями" этих дел, и не более того. С Троей дело обстоит совершенно иначе. Две тысячи лет, предшествовавшие пожару Трои VIIa, готовили Илион на ту роль, которую он обрел в эпических песнях греков. Лувийский ритуал с мотивом "прибытия от высокой Вилусы"⁸⁶, древние образования от основы **Troucs-* и **Wilu-I**Wiljo-*⁸⁷ в ономастике анатолийских и балканских племен, включая и греков, — все это приметы исторических процессов, направленных в ту точку, где в конце концов они сгустились в тему Великой Троянской войны. Троя — не место, где разворачиваются события "Илиады", Троя с ее историей — главное действующее лицо этой поэмы.*

Мы отнюдь не можем быть уверены, что то или иное племя, причисляемое Гомером к разрушителям или защитникам Илиона, принимало какое бы то ни было реальное участие в судьбе Трои VIIa. Но мы точно знаем, что в Эгееде не было народа, к чьей судьбе не была бы причастна Троя. Она возникла как одна из прото-фракийских культур, вроде Эзера, Черनावоды, Юнаците и других. Это значит, что в стенах Трои I мог звучать язык, из которого через две тысячи лет развился язык исторических фракийцев. Но точно так же среди носителей этих культур была, по-видимому, какая-то часть хетто-лувийских народов. Последние к середине III тыс. до н.э., выделяясь из протофракийского культурного круга, концентрируются в Северо-Западной Анатолии. Это в основном лувийцы, хотя среди них же могли быть и предки лидийцев. При этом не прерывается и связь Трои с Фракией, хотя, как отмечалось выше, во второй половине III тыс. троянская культура обретает все более самобытные черты, что выражается и в языке: троянские "тросы" начинают отличаться от раннефракийских "травсов"⁸⁸. Особая проблема — Троя и ранние иллирийцы (обобщенно — западнобалканские этносы): название Дардании, имена мифических троянских правителей Дардана и Батиеи с очевидными иллирийскими аналогами, наконец, присутствие в иллирийском форм *Trosius*, *Trosia* подтверждают, что и для западнобалканских индоевропейцев в ранний период их истории Троя не была "землей неведомой".

К 2300—2200 годам основная масса лувийцев смещается к югу, к местам исторического обитания, сохранив на века память о Вилусе. В это же время, отделившись от своих соседей и сородичей праиндоиранцев, к проливам Мраморного моря из Северного [32] Подунавья придвигаются народы, в чьих поселениях звучит прагреческая, праармянская, прафригийская речь. Концепция троянского и греческого этногенеза, выдвинутая Меллаартом в 1958 г., в ряде моментов выглядит гораздо убедительнее, чем многие, конкурировавшие с ней в последующие годы идеи, в том числе разделявшие самим ее автором. Она лучше всего объясняет те особые отношения между Троей и греческим миром, которые прослеживаются со Среднеэладского периода. Мы считаем вполне вероятным, что некая часть прагреков могла инфильтроваться в Северо-Западную Анатолию так же, как несколькими веками раньше сюда проникли пралувийцы. Более того, термин "Аххия-Аххиява", которым хетты позднее обозначали Ахейскую Грецию, мог, формально имея вполне малоазиатский облик, изначально относиться к области Анатолии (к северу от Герма), освоенной в конце III тыс. до н.э. прагреками, принявшими ее название в качестве своего имени. В поддержку этой гипотезы говорит и подмеченная О. Каррубой возможность исторической связи между названием Аххиявы и именем эолийцев. Конечно же, пребывание части прагреков в конце эпохи Ранней бронзы на земле будущей Эолиды вовсе не служит, как мы уже писали в предыдущей статье, в пользу идеи переднеазиатского происхождения этого народа. Мы видим всего лишь, как Трояду и области южнее ее охватывает в указанное время левое крыло племенного массива, основная часть которого продвигается из Подунавья через Фракию в сторону Греции. Позднее этих мигрантов "догоняет" часть тех прагреков, которые попытались было обжиться по другую сторону проливов в Анатолии, но оказались вынужденными отойти, вероятно, под давлением не только лувийцев, как думал Меллаарт, но и пралидийцев (в районе Меандра), и ранних фракийцев на обоих берегах Геллеспонта. Эти прагреки, отступившие из Анатолии, дают начало ахейцам и эолийцам балканской Греции. Другие же из новых пришельцев в Трояду, не оставляя попытки освоить эту землю, укрепляются за твердынями Трои VI⁸⁹.

В начале II тыс. до н.э. раннегреческие племена расселяются на протяжении от Фессалии до Пелопоннеса, а родственные им ранние фригийцы-бриги и протоармяне-пеоны сконцентрировались к

западу от Стримона на периферии Фракии и частично в Македонии. Дальнейшее движение на запад через гористые местности Иллирии или на юг, освоенный греками, для фригийцев и пеонов оказывается малоперспективным. В последующие века они пытаются распространить свое влияние на более восточные области Фракии. Часть их перебирается в Анатолию. Здесь фригийцы основывают Малую Фригию на Сангарии и завязывают дружественные отношения с царями Илиона. Отсюда какая-то группа пеонов-праармян, возможно, уходит дальше к востоку и в предгорьях Кавказа дает начало хайасцам.

Эта реконструкция подкрепляется одним местом у Геродота, а именно VII.75, где вифинцы, рассказывая о своем происхождении, утверждают, что "... раньше они назывались... стримониями, живя на Стримоне, а вытеснены были против воли... тевкрами и мисийцами". Уход вифинцев со Стримона на восток Фракии подтверждается косвенно и тем, что позднее в Малой Азии часть их образовала особое племя *Μαίδοβιθυνοί*, смешанное с другим фракийским этносом — медами (*Μαίδοί*), чья основная масса до позднейшего времени продолжала жить именно на Стримоне⁹⁰. Можно полагать, что миграция вифинцев и, частично, медов была вызвана экспансией племен, относивших себя к "тевкрам", прежде всего пеонов, живших на Аксии. Но чрезвычайно интересно, что Геродот вместе с тевкрами называет мисийцев.

Думается, термин "мисийцы" далеко не однозначен. На территории анатолийской Мисии мы находим гидронимы, по своему корнеслову и фонетическому облику не являющиеся ни хетто-лувийскими, ни северобалканскими. Так, В. Георгиев объяснил название *Καῖκος* "Каик", совр. *Bakir-çay* — "Медная река", т.е. "река с рыжей водой" из и.-е. **kauc-ikos* "огненный", греч. *καίω* -"жгу", а "Ερμος" "Герм" из и.-е. **sermo*, [33] др.-инд. *sarmah* — "течение"⁹¹. Но основа **kauc-* — "гореть" из индоевропейских языков представлена только в греческом с очень сомнительной параллелью в лит. *kuleti* — "быть горячим"⁹². Между тем, весьма похоже, что обозначение "поlyingающей, кипящей воды", образованное от той же основы, мы находим в том же ареале в гидрониме *Καῖοτρος*, совр. *Aksu* — "белая вода", образованном аналогично греч. *καυοτήρ*, вар. *καυτήρ* "средство для прижигания", *καυοτήρα* — "горячая (о битве)". Здесь же отметим и переход начального *s > h* в названии Герма, не являющийся фракийским, но находящийся параллели в армянском и греческом, ср. рефлекс того же корня в греч. *ὄρμη* < **sorma* "стремление, натиск". Объяснение этих имен может быть двояким. Либо перед нами древнейшие реликты пребывания греков на территориях к югу от Трои, где, по нашим предположениям, могла находиться первоначальная Аххия/Аххиява. Либо это формы более поздние, относящиеся ко времени расселения здесь во II тыс. до н.э. мисийцев во владениях Вилусы и Страны реки Сеха. Но тогда само понятие "мисийцы" нуждается в новом понимании. Не исключено, что в Анатолии этот термин обозначал исконно примерно то же, что ассирийское "мушки", т.е. сообщество племен балканского происхождения. В нем, наряду с отрядами фракийцев, могли играть важную роль этносы, явившиеся в Эгеиду через Балканскую Мисию в числе народов "курганной волны IV" (геродотовских тевкров), включая и ранних фригийцев и, может быть, какие-то протогреческие элементы. Весьма показательно, что и в том сообщении Геродота (VII.20), от которого мы отправляемся в данной статье, говорится о нашествии на Балканы не просто "тевкров", но "мисийцев и тевкров". Тогда, нанеся на карту Трои и соседних районов зону пребывания различных этнических групп, оставивших следы в местной топонимике, мы получим интересную картину: основная часть Трояды оказывается заполнена фракийскими местными названиями; на крайнем юге и на северо-востоке обнаруживаются следы обитания лувийских племен (кикийцев и зелейских ликийцев⁹³) и, наконец, за пределами собственно Трои на юг и на восток лежат Мисия и Малая Фригия, т.е. области, где должны были и могли проживать народы, родственные ранним грекам (фригийцы и этнос, которому принадлежат названия Каика, Каистра и Герма).

А что же могло случиться с прагреками, осевшими в Трое? Принятие ими самоназвания *тroyа́нцы*, абсолютное господство в тroyа́нской топонимике фракийских названий, глубоко самостоятельное культурное развитие Трои во второй половине II тыс. до н.э. — все это указывает на постепенную конвергенцию их с более ранним населением Трояды, по преимуществу протофракийского происхождения⁹⁴, как бы слияние отколовшейся части протофракийцев с обособившейся группой прагреков в единый полиэтничный конгломерат. Поэтому мы вовсе не присоединяем к иногда звучащему определению Троянской войны как войны "междоусобной" — греков против греков, вроде похода Семерых против Фив. Укажем для наглядности, что между вероятным появлением прагреков в Трояде и пожаром Трои VIIa прошло примерно столько же времени, как и между летописным призванием на Русь варягов и Северной войной.

Но если Троя для греков не была частью их мира даже в таком смысле, в каком подобную часть образовывали их колонии в Милете или Эфесе, то чем же она была в их восприятии? Надо сказать, что историческая память имеет весьма сложную структуру, возможно, включающую и такие слои, в реальном содержании которых [34] сам народ едва ли вполне отдает себе отчет. Реконструируя раннюю историю греков по прямым показаниям их фольклорной традиции, мы не продвинемся глубже фессалийского периода (начало II тыс. до н.э.). Трудно ожидать от бесписьменного народа сколько-нибудь ясного, воспоминания о событиях, пережитых им как бы в эмбриональном состоянии, еще до обособления в этническую целостность с соответствующим самосознанием. В этом смысле можно утверждать, что греки как народ начинаются в Греции и неотделимы от ее почвы. Однако сопоставление независимых показаний лингвистики и археологии с содержанием таких темных, рудиментарных легенд как повесть о походе тевкров, охватившем пространство от Боспора до изобилующей раннегреческой топонимикой Северной Фессалии (см. выше) приводит к удивительному заключению: в таких реликтах способна не явно для народа, не превращаясь для него в признаваемую им часть собственной истории, отражаться его предыстория, по крайней мере, на несколько веков глубже уровня, соответствующего его более или менее окончательной этнической кристаллизации. В таком случае, что же такое *тевкры* этой легенды? Это прагреки. Но это и прамакедонцы, и прафрагийцы, и праармяне, это образ этноязыковой общности, далеко выходящей за рамки тех этнических родственных связей, которые впрямую воспринимались этногенеалогическими легендами греков. В связи с высказанной гипотезой допустимо предположить, что чувство родства перечисленных народов (на протоэтническом уровне) могло преломиться в этимологически вскрываемой внутренней форме самого этнонима Τευκροί, имеющего, по нашему мнению, значение "родня, сородичи, соплеменники" > "народ", ср. др.-инд. *tokām* "потомок", "дитя", *tókman-* "отпрыск", "побег, отводок", авест. *taoxman-* "семья", "росток", мн.ч. "родство", "родня", др.-перс. *tauma* "семья", "семья", "росток"; ср.-в.-нем. *diehter* "внук"⁹⁵ от и.-е. **teuk-*, восходящего в конечном счете к и.-е. корню **teu-*, *tū-* "набухать", "быть мощным" (др.-инд. *taviti* "быть сильным, имеющим мощь" и т.д.); чередование *r*-основы (греч. Τευκρ-) с основой на носовой (индо-иран. *tokm-*) является типичным случаем гетероклизии в индоевропейском, свидетельствующим о чрезвычайной праязыковой древности образования интересующей нас этнонимической лексемы; ср. и.-е. *teu-t-* (с *t*-распространителем) "многочисленный, мощный народ" в гот. *þiuda* "народ", ср.-в.-нем. *diot(a)* то же и т.д.⁹⁶; Τεύταρος - вождь одного из македонских племен⁹⁷ и множество других с той же основой личных имен в древних языках Европы⁹⁸; сюда же фрак. этноним (Βι)-θυνοί "вифинцы"⁹⁹.

В подобных условиях, видимо, имеет смысл говорить о неосознаваемой или "темной" исторической памяти коллектива. Но и эта "темная" память имеет свой предел, свое "дно". Таким пределом для греков оказывается Троя, пусть еще как бы без "священного Илиона" (стен Трои VI). Мифо-историческое движение "тевкров" со стороны Балканской Мисии, охватившее в том числе и Трояду, обращается в этой "темной" памяти в поход из Трои через Боспор под началом Ила - эпонима Илиона, родителя и предшественника Лаомедонта. В самих глубинах традиции, уводящих туда, где греки еще не стали греками, мы не найдем представления о том, что было с их предками раньше знакомства с Троей. Для коллективного сознания греков отправная страна их истории — Фессалия, для "скрытой" их памяти — Троя-Илион. За этот предел позволяют проникнуть лишь чисто лингвистические пережитки, вроде имени "данайцы" со скрывающимся за ним фактом контакта прагреков с праиранцами внутри протоэтнического ареала индоевропейцев. [35]

Встреча прагреков с Троей обернулась для них попыткой "присвоения" такого культурного феномена, который был значительно сильнее их, хотя бы потому, что был в известном смысле древнее и принадлежал не только им, но и прафракийцам, лувийцам, лидийцам и другим народам. Имелись все предпосылки для возникновения в греческой традиции задолго до Троянской войны своего рода "троянского комплекса", выражающего их противоречивое, проникнутое внутренним диссонансом отношение к этому городу, обращенному к Греции, священному для многих греков, вписанному в фамильные легенды греческих династий, в то же время разнящемуся от греческого мира и в обрядовой сфере, и во многих культурных предпочтениях, дразнящему греческих правителей своей древностью и своей автаркической гордыней. Этот комплекс воплотился в мифологеме города, любимого богами "больше всех городов, населенных людьми под солнцем и под звездным небом" (II. IV. 44), а затем ставшего для богов ненавистным, спровоцированного ими на дела, обрекающие его на проклятие.

Не отсюда ли проистекает та ревнивая решительность, с которой Аххиява оружием пресекла попытку Муватталиса переориентировать Вилусу на Хеттскую империю¹⁰⁰? И не в "троянском" ли "комплексе" греков состоял глубинный стимул к Троянской войне и эолийской колонизации в десятилетия, когда под ударами с севера заколебались основы привычного "героического" стиля жизни? Троянская война была не только причиной затянувшихся скитаний-"возвращений", раскидавших греков по всему Средиземноморью. Она по сути сама была "возвращением" к прагреческим местам на балканском севере, так же как черты "возвращения", блуждания трех поколений на пути к желанной земле приобрела в предании эолийская колонизация. В центре воспоминания греков о конце их героического века оказались не нашествия северных племен, не походы поздних ахейцев на Левант и великолепный Египет, а сожжение Илиона — деяние, в котором удивительно слились подвиг возмездия и вина, павшая не на одних локров-"илейцев", а на многие поколения греков (вспомним, как у Гомера Зевс и Гера обменивают разрушение Трои на гибель пелопоннесских столиц).

На самом деле в исторической перспективе этот поход даже для самого Илиона не имел ощутимых радикальных последствий: через несколько лет Троя VIIb1 отстроилась. Но это было несущественно для мифа, трансформировавшего "троянский комплекс" греков в тот образ трагической победы, которым полтора тысячелетия вдохновлялись величайшие поэтические произведения античности. Рассказы о Троянской войне историчны не только потому, что в них претворились дела нескольких лет в последней трети XIII в. до н.э., но и потому, что смысл, приписанный в таких рассказах пожару Трои VIIa, был предопределен целым тысячелетием, предшествовавшим этому пожару.

---

¹) Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 4.

²) Carruba O. Lydisch und Lyder // MIOF. 1963. Bd VIII. S. 407 f.

³) Об Аххияве и Аттариссии подробно см.: Гиндин Л.А. Троянская война и Аххиява хеттских клинописных текстов // ВДИ. 1991. № 3; он же. Население гомеровской Трои. Историко-филологические исследования по этнологии Древней Анатолии. М., 1993. С. 92-133 с литературой; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1995. Гл. II.

⁴) Более подробно см.: Carruba O. Ahhiyawa e altri nomi di popoli e di paesi dell'Anatolia occidentale // Athenaeum. 1964. V. 42. P. 295 sqq. В частности, в последней статье Карруба предполагает, что к той же основе можно возвести и имя ионийцев, если принять для какого-то из анатолийских диалектов фонетическое развитие Ahhija(wa)-wanni > *(H)ijawana, по типу позднеанатолийских аферез в сверхдлинных именах вроде лик. Pulejda < Ἀπολλωνίδης, Tenegure < Ἀθαναγόρας и т.д. Вероятно, древнейший засвидетельствованный пример такой аферезы можно видеть в хет. Tawak(a)lawas̄ из знаменитого письма о Тавакалавасе в Аххияву начала XIII в. до н.э. как передаче чисто греч. *Ἐτεφόκλεφεξ = мик. *Etewoklewēs, ср. PY An 654, Aq 64 e-te-wo-ke-re-we-i-jo, гом. Ἐτεοκλεφεξίη (Il. IV. 386). (Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. 2 ed. Cambr., 1973. p. 547; подробнее см.: Гиндин. Троянская война... С. 47; он же. Население... С. 127). Сложность, однако, в том, что в отличие от имени эолийцев имя Ἴάονες, мик. i-ja-wo-ne - KN B 164, Xs 146, для греков, судя по формам Ἴάς "ионянка", Ἴαστί "по-ионийски" четко членились на суффикс и краткую ономастическую основу Ija-, которую затруднительно возвести к Ahhija(wa), если не видеть в ней вторичного извлечения из Ἴάων (впрочем, см. Гиндин. Язык древнейшего населения... С. 127). Для ионийского этнонима толкование Каррубы остается несравненно более шатким, чем в случае с именем эолийцев, особенно ввиду приводимого ниже анализа фрагмента из "Письма о Тавакалавасе".

⁵) Sommer F. Die Ahhijavā-Urkunden. München, 1932. S. 2 f.

⁶) Forrer E. Vorhomerische Griechen in den Keilinschriften von Boghazköi // MDOG. 1924. Bd 63. S. 10; idem. Für die Griechen in den Boghazköi-Inschriften // Kleinasatische Forschungen. 1929. Bd I. Ht 2. S. 255 f.;

ср.: Friedrich J. Werden in den hethitischen Keilschrifttexten die Griechen erwähnt? // Ibid. 1927. Bd I. Ht. I. S. 97 f.

⁷) Sommer. Die Aḫḫijavā-Urkunden... S. 43 f.

⁸) Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка / Пер. с нем. М., 1952. С. 43 сл.

⁹) Там же. С. 56; Ларош Э. Очерк лувийского языка // Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 231.

¹⁰) См. Kretschmer P. Die Hypachäer // Glotta. 1933. Bd 21. S. 227.

¹¹) Тронский. Ук. соч. С. 33.

¹²) Kretschmer P. Ionier und Achäer // Glotta. 1909. Bd 1; Nilsson M.P. Homer and Mycenae. L., 1933; Porzig W. Sprachgeographische Untersuchungen zu den altrgriechischen Dialekten // IF. 1954. Bd 61. S. 166.

¹³) Hoffmann O. Geschichte der griechischen Sprache. Bd I. Lpz, 1911. S. 32 ff.

¹⁴) Georgiev VI. La koiné creto-mycénienne // Études Mycéniennes / Ed. M. Lejeune. P., 1956; idem. The Arrival of the Greeks in Greece: the Linguistic Evidence // Bronze Age Migrations in the Aegean. Duckworth, 1973; Bartonek A. Mycenaean Koine Reconsidered // Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies / Ed. L.R. Palmer, J. Chadwick. Cambr., 1966; Тронский. Ук. соч. С. 31; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Отражение индоевропейских лабиовелярных в древнемакедонском // ВЯ. 1991. № 2. С. 50 сл.

¹⁵) Schwyzler E. Griechische Grammatik. Bd I. München, 1939. S. 472.

¹⁶) Гиндин. Язык древнейшего населения... С. 104.

¹⁷) Тронский. Ук. соч. С. 166.

¹⁸) Güntert H. Die arische Weltkönig und Heiland. Halle, 1923. S. 73; idem. Über die Namen Achaier und Hellenen // Wörter und Sachen. 1926. Bd 9. S. 130 ff.; Kretschmer P. Literaturbericht für das Jahr 1926 // Glotta. 1927. Bd 15. S. 190; idem. Literaturbericht für das Jahr 1926 // Glotta. 1929. Bd 17. S. 250; Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Heidelberg, 1960, S. 199; Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. С. 100.

¹⁹) Laroche E. Études sur les hiéroglyphes hittites // Syria. 1958. T. 35. P. 267; Garstang J., Gurney O.R. The Geography of the Hittite Empire. L., 1959. P. 52 f.; Гиндин. Язык древнейшего населения... С. 104.

²⁰) См. [Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Античная версия исторического события, отраженная в KUB XXIII. 13 // ВДИ 1986. № 1. С. 86.](#)

²¹) В деталях см.: Гиндин Л.А. Троянская война и Аххиява хеттских клинописных текстов // ВДИ. 1991. № 3. С. 51; он же. Население... С. 10 сл. (с литературой); Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. III.

²²) Risch E. Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuer Sicht // Museum Helveticum. 1955. Bd 12; Chadwick J. The Greek Dialects and Prehistory // Greece and Rome, 1956. Bd 3; idem. Who were the Dorians? // Parola del Passato. 1976. V. 166. P. 108; Bartonek A. The Place of the Dorians in the Late Helladic World // Bronze Age Migrations...

²³) Buck C.D. The Greek Dialects. 4ed. Chicago-London, 1968. P. 62.

²⁴) Тронский. Ук. соч. С. 31.

- [25\)](#) Гиндин, Цымбурский. Отражение индоевропейских лабиовелярных...
- [26\)](#) Houwink ten Cate Ph.H.J. Anatolian Evidence for Relations with the West in the Late Bronze Age // Bronze Age Migrations...
- [27\)](#) Ventris, Chadwick. Op. cit P. 537 (в принятой позже транскрипции $a_3 = ai$).
- [28\)](#) Гиндин. Население... С. 128.
- [29\)](#) Kretschmer P. Zum Balkan-Skytischen // Glotta. 1936. Bd 24. S. 16 f.; Frisk. Op. cit. Bd I. S. 347; Георгиев. Ук. соч. С. 100; Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 216 сл.
- [30\)](#) Абаев В.И. Скифский быт и реформы Зороастра // Archiv Orientalni. 1956. V. 24. № 1. S. 42 f.
- [31\)](#) Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева Вып. 5. С. 156.
- [32\)](#) Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Bern-München, 1959. S. 175.
- [33\)](#) Förster M. Der Flussname Themse und seine Sippe. München, 1941. S. 141 f.; Nikolaisen N. Die alteuropäischen Gewässernamen der britischen Hauptinsel // BNF. 1957. Jg. 8. S. 245 f.
- [34\)](#) Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. 2. Aufl. Wien, 1976. S. 115; Георгиев В.И. Траките и техният език. София, 1977. С. 185, 259.
- [35\)](#) Sakellariu M. Les proto-grecs. Athènes, 1980. Passim.
- [36\)](#) См. Gimbutas M. The Destruction of Aegean and East Mediterranean Urban Civilisation around 2300 B.C. // Bronze Age Migrations... P. 134 f., 139 (Tabl.).
- [37\)](#) Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 24.
- [38\)](#) Ср. карту: Gimbutas. Op. cit. P. 139.
- [39\)](#) Гиндин Л.А. К вопросу о статусе языка древних македонцев // Античная балканистика. М., 1987; Гиндин, Цымбурский. Отражение индоевропейских лабиовелярных.
- [40\)](#) Например, Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.
- [41\)](#) Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966; Brixhe C. Études néophrygiennes // Verbum. 1978. T. I. Fasc. 1; Georgiev VI. Le paléo-phrygien // Linguistique balkanique. 1985. XXVIII. 3; Баян Л.С., Орел В.Э. Язык фригийских надписей как исторический источник // ВДИ. 1988. № 1,4; Neumann G. Phrygisch und Griechisch. Wien, 1988.
- [42\)](#) Brixhe C, Lejeune M. Corpus des inscriptions paleo-phrygiennes. T. 1-2. P., 1984.
- [43\)](#) Neumann. Op. cit. S. 4.
- [44\)](#) Подробнее см. Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. V.
- [45\)](#) Georgiev VI.I. Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia, 1981. P. 360; idem. Le paleo-phrygien; Haas. Op. cit. S. 236.

⁴⁶⁾ Георгиев. Траките и техният език. С. 233; Дьяконов И.М. Фригийский язык // Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 373 сл.; Brixhe C. Palatalisation en grec et en phrygien: problemes phonetiques et graphiques // BSL. 1982. Т. 77.

⁴⁷⁾ Дьяконов. Ук. соч. С. 375.

⁴⁸⁾ Haas. Op. cit. S. 237.

⁴⁹⁾ Buck. Op. cit. P. 100, 149 f.

⁵⁰⁾ Neumann. Op. cit. S. 10.

⁵¹⁾ Ibid. S. 7.

⁵²⁾ Ibid. S. 12.

⁵³⁾ Ibid. S. 11 f.

⁵⁴⁾ Haas. Op. cit. S. 237 f.

⁵⁵⁾ Neumann. Op. cit. S. 13.

⁵⁶⁾ Ibid. S. 16.

⁵⁷⁾ Дьяконов. Ук. соч. С. 375.

⁵⁸⁾ Там же. С. 376.

⁵⁹⁾ Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 53.

⁶⁰⁾ Neumann. Op. cit. S. 9.

⁶¹⁾ Гиндин. К вопросу... С. 157; Гиндин, Цымбурский. Отражение индоевропейских лабиовелярных... С. 52.

⁶²⁾ Georgiev VI.I. L'ethnogénèse de la péninsule Balkanique d'après les données linguistiques // L'ethnogénèse des peuples balkaniques. Sofia, 1971. P. 187.

⁶³⁾ Haas. Op. cit. S. 238; Neumann. Op. cit. S. 23.

⁶⁴⁾ Haas. Op. cit. S. 9.

⁶⁵⁾ Bittel K. Die archäologische Situation in Kleinasien um 1200 v. Chr. und während der nachfolgenden vier Jahrhunderte // Griechenland, die Ägäis und die Levante während der Dark Ages. Wien, 1983. S. 38; Neuman. Op. cit. S. 16.

⁶⁶⁾ Mellink M.J. Mita, Mushki and Phrygians // JKF. 1956. Bd II. Th 1-2. S. 324.

⁶⁷⁾ Dressler W. Rcz.: Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler // Die Sprache. 1968. Bd 14. Ht 1. S. 40; Дьяконов. Ук. соч. С. 365.

⁶⁸⁾ Hammond N.G.L. A History of Macedonia. V. I. Oxf., 1972.

- ⁶⁹⁾ Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 66 сл.
- ⁷⁰⁾ Ruge W. Phrygia 1. Topographie // RE. Hlbd 39. 1941. S. 801 f.
- ⁷¹⁾ Neumann. Op. cit. S. 16.
- ⁷²⁾ Brixhe, Lejeune. Op. cit. P. 6; Haas. Op. cit. S. 187.
- ⁷³⁾ Neumann. Op. cit. S. 9.
- ⁷⁴⁾ Hammond. Op. cit. P. 412.
- ⁷⁵⁾ Kretschmer. Op. cit. S. 193; Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 166.
- ⁷⁶⁾ Gusmani R. Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964. S. 70.
- ⁷⁷⁾ Баюн, Орел. Ук. соч. I. С. 195.
- ⁷⁸⁾ Подробнее см. Гиндин, Цымбурский. Прагреки в Трое... С. 34 сл.
- ⁷⁹⁾ Solta G.R. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960. S. 642. f, 474 f, 477 f.
- ⁸⁰⁾ Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. М., 1964. С. 230 сл.
- ⁸¹⁾ Kammenhuber A. Die Sprache des vorhellenistischen Kleinasien in ihrer Bedeutung für die heutige Indogermanistik // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1968. Bd 24. S. 84; Дьяконов. Ук. соч. С. 373; ср.: Markwart J. Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation. Schöneberg, 1919; Туманян Э.Г. Структура индоевропейских имен в армянском языке. М, 1979. С. 261 (с гипотезой о проживании праармян в самой Фессалии).
- ⁸²⁾ Из-за ограниченности объема статьи отсылаем к работам, подробно излагающим данную гипотезу: Gindin L.A. Keteioi (= Hittites) and Paiones (≈ Proto-Armenians) — Allies of Troy // Orpheus. 1990. P. 69-71; он же. Население... С. 82 сл.
- ⁸³⁾ Forrer E. Hajasa-Azzi // Caucasia. 1931. Bd 9. S. 15; Neumann G. Untersuchungen zum Weiterleben hithitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit Wiesbaden, 1961. S. 51; иначе: Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 137.
- ⁸⁴⁾ Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 133 сл.; Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. V.
- ⁸⁵⁾ Durnford S.P. Luwian Linguistics: Some Etymological Suggestions // RHA. 1975. V. 33. P. 52; Иванов Вяч.Вс. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, Эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 14.
- ⁸⁶⁾ Гиндин. Население... С. 68 сл.; Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. VI с опорой на выводы К. Уоткинса.
- ⁸⁷⁾ В дополнение к тому, что нами написано о греческих параллелях к названию Илиона в статье "[Прагреки в Трое](#)", здесь мы должны заметить следующее. Форма ἰλυ-στῆροι "ползти извиваясь" определенно обнаруживает наличие в раннегреческом лексемы *ijlu-s "извилистый" с основой, идентичной той, которая представлена в названиях троянской Илейской долины, а может быть и в обозначении самой Вилусы. С другой стороны, если видеть отражение древнейшей формы последнего топонима в хет.

Wilušija откуда *Wiluša* могло возникнуть в результате палатализации спиранта, открывается оригинальная возможность предположить в хеттской записи фиксацию вариантной прагреческой формы: а именно *uīlusiā как совершенного причастия от *ἰλλω* < *uīliō "крутить", формально аналогичного греч. *ἰδύια* < *uīdusiē "ведающая", др.-инд. *viduši* (см. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. С. 333). При толковании названия Илиона-Вилусы как "закрученного" города надо принимать в расчет планировку Трои VI в виде серии террас, обвивающих холм.

[88](#)) Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. V.

[89](#)) Ср. карты-схемы № 1-3 в книге: Гиндин. Население... С. 206-209.

[90](#)) *Detschew*. Op. cit. S. 280 f.

[91](#)) Georgiev VI. Zur altkleinasiatischen Hydronymie // BNF. 1957. Jg. 8. S. 157; Гиндин. Население... С. 117 сл.

[92](#)) Ср.: Frisk. Op. cit. S. 757; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. II. P., 1970. P. 481; Pokorny. Op. cit. S. 595.

[93](#)) Гиндин. Население... Гл. II.

[94](#)) Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 165 сл.; он же. Население... С. 14 сл. с признанием Трои фракийской во II тыс. до н.э.; ср.: Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 84, 24 - карта; Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. V.

[95](#)) *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd I. Heidelberg, 1956. S. 527; Pokorny. Op. cit. S. 1085.

[96](#)) Pokorny. Op. cit. S. 1080, 1084.

[97](#)) *Pape W., Benseler G.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd II. Graz, 1959. S. 1513; *Mayer A.* Die Sprache der alten Illyrien. Bd I. Wien, 1957. S. 335.

[98](#)) Pokorny. Op. cit. S. 1084; Mayer. Die Sprache...

[99](#)) Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 65.

[100](#)) Об этом эпизоде рубежа XIV—XIII вв. до н.э. см.: Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. III.

